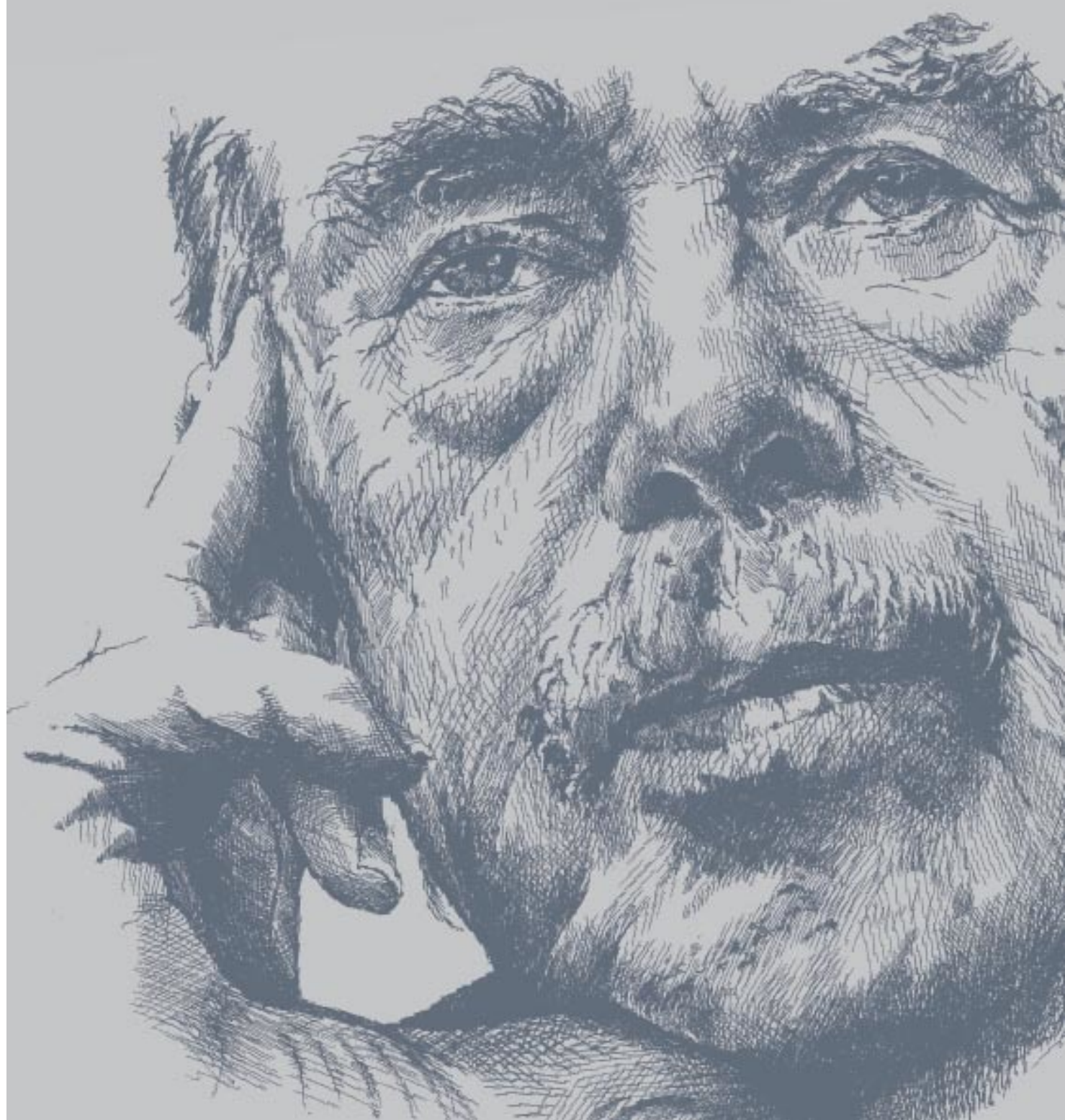

ИВАН
БЕЛЯЕВ

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ: ЖИЗНЬ В ИСТОРИИ

Иван Беляев

Вацлав Гавел. Жизнь в истории

«НЛО»

2020

УДК 929Гавел В
ББК 63.3(4Чех)6-8

Беляев И.

Вацлав Гавел. Жизнь в истории / И. Беляев — «НЛО», 2020

ISBN 978-5-4448-1382-9

Со времен Макиавелли образ политика в сознании общества ассоциируется с лицемерием, жестокостью и беспринципностью в борьбе за власть и ее сохранение. Пример Вацлава Гавела доказывает, что авторитетным политиком способен быть человек иного типа — интеллеktуал, проповедующий нравственное сопротивление злу и «жизнь в правде». Писатель и драматург, Гавел стал лидером бескровной революции, последним президентом Чехословакии и первым независимой Чехии. Следуя формуле своего героя «Нет жизни вне истории и истории вне жизни», Иван Беляев написал биографию Гавела, каждое событие в жизни которого вплетено в культурный и политический контекст всего XX столетия. На глазах у читателя рухнет империя Габсбургов; в новом чехословацком государстве отец и дядя героя построят «чешский Голливуд», вскоре подчиненный Гитлером; еще через 30 лет советские войска подавят Пражскую весну, а Вацлав Гавел станет одним из самых известных диссидентов Восточной Европы. Такой подход позволяет автору не только передать масштаб личности своего героя, но и показать процесс распада тоталитарного мира под влиянием гуманистической этики, носителем которой был Гавел и его соратники. Иван Беляев — журналист радио «Свобода».

УДК 929Гавел В
ББК 63.3(4Чех)6-8

ISBN 978-5-4448-1382-9

© Беяев И., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

I.	7
Конец Австро-Венгрии. Рождение Чехословакии. Появление героя	7
«Святой Вацлав, воевода земли чешской...»	7
Гибель империи	8
«Всюду нас мало знают...»	10
Рождение нации	11
Семья Гавелов	14
Скромное обаяние буржуазии	14
Отец чешского Голливуда	16
Мюнхен. Крах Чехословакии	19
Перед катастрофой	19
Следующие после Австрии	20
«У меня есть аэроплан»	22
Оккупация. Милош Гавел и немцы	26
«Время победы худшего»	26
«Почетные пленники России»	27
«Это глаза Милоша»	29
Коммунистический переворот. Судьба семьи. Школа	31
Победоносный февраль	31
«Акция Б»	33
«Жук»	34
«Šestatřicátníci»	38
Онегин или Обломов?	38
«Серебряный ветер»	39
«Сомнения в программе»	42
Военная служба. Театральный дебют	45
В армию – даже без ноги!	45
Кибернетика и театр	48
Ольга	51
Шплихалко из Жижкова	51
«Восемь лет откладывал женитьбу»	52
Театральное признание	55
«Праздник в саду»	55
«Кандидат в агенты»	58
II.	61
«Тварж». Начало Пражской весны	61
«Этот парень будет небезопасен»	61
«Это ваше дело»	63
Гавел в 1968 году. США и Франция	66
Возможность оппозиции	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Иван Беляев

Вацлав Гавел: жизнь в истории

Эта книга никогда не была бы написана и даже задумана, если бы в 2013 году я не приехал в Прагу по программе Vaclav Havel Journalism Fellowship. Мне очень хочется поблагодарить Министерство иностранных дел Чехии, Radio Free Europe / Radio Liberty и Prague Freedom Foundation за создание и поддержку этой программы; Яну Гокувову, Мартинса Затлерса, Седу Степанян, Джоанну Левисон, Эми Леонард, Веронику Розмахелову, Джона Тодороки, Кэриью Уайсон и Каролину Швабову – за их личный вклад в программу.

Летом 2016 года я впервые задумался о создании русской биографии Вацлава Гавела. Я почти не верил, что у меня получится, но это стало возможным, и я хочу сказать огромное спасибо:

Международному обществу «Мемориал» и лично Борису Беленкину за возможность работы в библиотеке;

Prague Civil Society Center, а также лично Игорю Блажевичу и Виктории Лозински за организацию стажировки в Библиотеке Вацлава Гавела;

всему коллективу Библиотеки, а также лично Мартину Видлаку, Терезе Йоханидесовой и Анне Фреймановой за помощь во время стажировки;

Андрею Кробу и Павлу Фишеру за бесценное общение;

Мирославу Вомачке, Иво Гаджиеву, Веронике Гипшовой, Даниэлю Гуштяку, Мирославу Кшиськуву, Любомиру Котеку и Радеку Стекке за любезно предоставленные фотографии и рисунки. Яне Гольцовой («Paměť národa») и Люции Чепцовой (Институт искусств – Театральный институт) за помощь в поиске иллюстраций, Prague Civil Society Center за поддержку в их приобретении;

Анне Агаповой, Александру Бобракову-Тимошкину, Антону Бочкареву, Остапу Кармоди, Алексею Макаркину, Павлу Миронову, Тимуру Мухаматулину, Ивану Попову, Ольге Серебряной, Ярославу Шимову и Антону Ширяеву за их замечания и уточнения к рукописи;

Юрию Сенокосову, Елене Фанайловой и Андрею Шарому за полезные советы и содействие в поисках издателя;

моей жене Тоне за неоценимый вклад, который она сделала в эту работу и во всю мою жизнь;

ее родителям Евгению Алексеевичу и Нине Николаевне Столяровым, чья помощь давала время и силы работать над книгой;

моим родителям Михаилу Викторовичу и Галине Николаевне Беляевым, которые, к сожалению, уже никогда не смогут эту книгу прочесть, за все, что они когда-либо для меня сделали.

I. Детство и юность

Конец Австро-Венгрии. Рождение Чехословакии. Появление героя

«Святой Вацлав, воевода земли чешской...»

Всем, кто бывал в Праге, конечно, знакома Вацлавская площадь – на самом деле скорее не площадь, а большой бульвар в центре чешской столицы, связывающий между собой несколько исторических районов города. Здесь, на Вацлавской площади и прилегающих к ней улицах, произойдет множество важных событий и в истории Чехии, и в жизни Вацлава Гавела. Наверное, это лучшее место, чтобы с него начать наш рассказ.

В верхней части Вацлавака, как называют его сами пражане, находится памятник святому Вацлаву – одному из небесных покровителей чешских земель. На постаменте выбиты слова святовацлавского хора: «Святой Вацлав, воевода земли чешской, не дай погибнуть нам, ни потомкам нашим!» Последние восемь лет именно у этого памятника зажигают свечи в день рождения и день смерти Гавела.

Само имя Вацлав – это западнославянский вариант привычного нам Вячеслав. В наше время оно не входит в число самых распространенных имен у мальчиков, не попадая даже в первую десятку, но раньше было популярнее.

В Средние века его носили несколько чешских королей. Преемником Вацлава Гавела на посту президента Чехии стал его извечный соперник Вацлав Клаус. На страницах этой книги встретятся коммунистический министр Вацлав Носек, диссидент Вацлав Бенда. Любители спорта могут вспомнить хоккеиста Вацлава Недоманского. Примечательно, что еще дед Гавела носил имя Вацлав, а в предыдущих поколениях официально использовался немецкий вариант Венцель. Но, впрочем, об этом чуть позже.

Итак, старший сын пражского предпринимателя Вацлава Марии Гавела и его второй жены Божены, Вацлав Гавел родился 5 октября 1936 года.

Оставалось меньше трех лет до Второй мировой войны, и жестокий ход истории все сильнее набирал обороты. В Германии уже три года у власти нацисты. В СССР принимается «сталинская конституция» и начинаются массовые репрессии. В Испании полыхает гражданская война. Рождается ось Берлин-Рим, а чуть позже – Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией.

Однако Чехословакия на первый взгляд еще далека от европейских политических катаклизмов. Газета «Pražské noviny» 4 октября 1936 года выносит на первую полосу новости о валютной реформе в Чехословакии и сообщения о радиодebатах перед скорыми выборами президента США. 5 октября, в понедельник, газета не выходит, а 6 октября на первой полосе все та же валютная реформа – вслед за несколькими европейскими странами Чехословакия снижает содержание золота в кроне.

Правда, появляются сообщения о том, что франкисты атакуют Мадрид, и статья о позиции европейских держав в испанской гражданской войне, но, повторим, на первый взгляд в Чехословакии все спокойно – те же «Pražské noviny» информируют о том, как улучшаются эко-

номические отношения фашистской Италии и Малой Антанты (в нее входили Чехословакия, Румыния и Югославия)¹.

Меж тем до мюнхенской катастрофы и краха Первой республики оставалось меньше двух лет – совсем еще молодое государство будет подкошено за несколько недель до своего двадцатилетия.

Гибель империи

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних,
– Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!

Осип Манделъштам сочинил эти стихи в сентябре 1914 года, и они оказались пророческими – через четыре с небольшим года победители Первой мировой перекроили карту, вызвав к жизни сразу несколько новых государств. А всего за несколько недель до Манделъштама чешский политик Карел Крамарж написал в редакционной колонке для газеты «Národní listy»: «После этой чудовищной войны мы не узнаем карту Европы»².

Через пятнадцать лет Маяковский в «Стихах о советском паспорте» назовет существование Польши «географическими новостями». Хотя в этом смысле появление Чехословакии стало куда большей географической новостью, и тому было несколько причин. Речь Посполитая исчезла с карты Европы лишь в конце XVIII века, а до того на протяжении столетий оставалась сильным и заметным государством.

Но и разделы Польши не могли уничтожить представление о ней как об историческом, географическом и культурном факте. Польши не было на политической карте, но она, безусловно, существовала. Чешские земли уже в первые века своего существования попадают в орбиту Священной Римской империи. Чешское королевство и сами чехи в разное время играли в империи разную роль – достаточно вспомнить императора Карла IV, гордившегося своим чешским происхождением и фактически переместившим центр империи в Прагу (припомним между делом, что и Карл IV тоже тезка нашего героя – в детстве мать-чешка назвала его Вацлав).

Самым трагичным поворотом в истории отношений чехов с империей становится Тридцатилетняя война, положившая начало истреблению чешской аристократии, германизации и уничтожению гуситского наследия.

Словакия же вовсе не имела своей государственности, если не считать Великую Моравию – почти легендарное государство, прямая связь которого с современной Словакией не так однозначна. Исторически словаки оказались подданными короны святого Иштвана, и перед Первой мировой войной территория нынешней Словакии находилась в границах Венгерского королевства.

Итак, ничего, что называлось бы Чехословакией, до 1918 года не существовало. Это слово, как, например, и слово Югославия, пришлось придумать для государства, созданного при поддержке Антанты на обломках разгромленной Австро-Венгрии.

Уже в самом начале войны в Париже, Лондоне, Петрограде, а вскоре и в Вашингтоне начинают свою работу представители славянских народов Австро-Венгрии, пытающиеся дока-

¹ <http://www.digitalniknihovna.cz/nacr/periodical/uuid:cf6e0f73-e328-424f-90bb-f64fa4d3d722>.

² Orzoff A. Battle for the Castle: The Myth of Czechoslovakia in Europe, 1914-1948. New York: Oxford University Press, 2009 (цит. по: questia.com; далее – Орзофф).

зять: поляки, чехи и хорваты – это естественные противники центральных держав, готовые бросать оружие и переходить на сторону Антанты. Чехов в этой сложной политической работе представлял в первую очередь уже немолодой профессор философии Томаш Гарриг Масарик (часто именуемый просто TGM) – в начале войны ему шестьдесят четыре.

Масарик родился в небогатой семье в моравском Годонине (там и сейчас живет лишь 25 тысяч человек, но нам встретятся еще два уроженца этого городка: уже упомянутый хоккеист Вацлав Недоманский и экономист Вальтер Комарек). Отец Томаша служил кучером, а мать кухаркой. Семья, что любопытно, была смешанной, и отец мальчика был словаком.

Томаш смог поступить в Венский университет, где учился у философа и психолога Франца Brentano (его студентами в разные годы были Гуссерль и Зигмунд Фрейд). В 1879 году он написал диссертацию «Самоубийство как массовый социальный феномен современной цивилизации».

В начале 1880-х Масарик вместе с женой, американкой Шарлоттой Гарриг (ее фамилию он сделал частью своего полного имени), переезжает из Вены в Прагу, где в 1882 году получает место профессора в только что созданной чешской части Карло-Фердинандова (ныне просто Карлова) университета. Он ведет активную общественную жизнь, сотрудничает с несколькими журналами, несколько раз избирается в чешский сейм и имперский совет.

Интеллектуальную и политическую смелость Масарика прекрасно иллюстрируют два эпизода из его жизни.

Во-первых, он стал одним из главных разоблачителей двух исторических фальшивок: Краледворской и Зеленогорской рукописей. «Если коллеги Масарика, историки и лингвисты, выступали против “рукописей” в поисках научной правды, то участие в споре самого TGM обуславливалось мотивами прежде всего этическими, из коих следовали политические: “здание” чешского национального “проекта” не могло строиться на лжи <...> Поэтому, хотя собственно научный вклад Масарика в “разоблачение” “рукописей” был скромным, из всех противников их подлинности он защищал свои позиции наиболее яростно», – пишет филолог и историк Александр Бобраков-Тимошкин³.

Во-вторых, в 1899 году Масарик громко выступил по делу о «кровавом навете». Молодого еврейского бродягу Леопольда Хильснера обвинили в убийстве юной чешки. Она погибла в Песах, и на Хильснера обрушилось подозрение, что убийство было ритуальным. В конечном счете Хильснер был осужден (в ходе следствия на него повесили убийство еще одной молодой девушки) и приговорен к смерти. В 1901 году милостью Франца-Иосифа казнь заменили пожизненным заключением, а в 1918-м Хильснера амнистировал последний австрийский император Карл I, но реабилитирован он не был. Достижением Масарика стало лишь то, что в приговор не вошли обвинения в религиозных мотивах убийства, но публичная защита еврея обошлась ему дорого – в народе гулял злобный стишок: «Zasloužil bys, Masaryčku, jít s Hilsnerem na houpačku!» («Заслужил ты, Масарик, идти с Хильснером на виселицу»)⁴.

Уже осенью 1914 года Масарик уезжает за границу. Его ближайшим соратником становится его же ученик и будущий преемник на посту президента Эдвард Бенеш. После Карлова университета Бенеш учился во Франции и Германии, а в 1908 году защитил в Дижоне диссертацию на показательную тему «Австрийская проблема и чешский вопрос. Изучение политической борьбы славянских народов в Австрии», которую Карлов университет признать отказался. Тем не менее последние годы перед войной Бенеш преподавал там на философском факультете.

³ Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 25 (далее – Бобраков-Тимошкин).

⁴ <https://vysocina.rozhlas.cz/zaslouzil-bys-masarycku-jit-s-hilsnerem-na-houpacku-7130357>.

Еще одна важная фигура – словак, офицер французской армии Милан Растислав Штефаник, также много сделавший для пропаганды чехословацкой идеи. Летчик и астроном, яркая и незаурядная личность, он даже стал французским генералом, но вскоре после войны погиб в авиакатастрофе.

«Всюду нас мало знают...»

Отношение к этим людям в столицах Антанты не всегда было одинаковым. «До лета 1915 года я ознакомился с положением в главных союзнических государствах и убедился, что всюду нас мало знают и что у нас нет серьезных политических связей», – писал Масарик в своей книге «Мировая революция». И там же: «Тяжелой задачей для нашей пропаганды в Америке и всюду являлось убедить в необходимости разделения Австро-Венгрии. К Вене не было той непосредственной политической неприязни, какая была к Берлину»⁵.

И ведь судьба Австро-Венгрии могла быть совсем другой, выйди она из войны хотя бы в начале 1918 года. В январе конгрессу США был представлен разработанный президентом проект мирного договора – «14 пунктов Вильсона». Пункт номер десять гласил: «Народы Австро-Венгрии, место которых в Лиге Наций мы хотим видеть огражденным и обеспеченным, должны получить широчайшую возможность автономного развития»⁶.

Однако зима 1918 года еще не принесла ни окончания войны, ни сепаратного мира Антанты с Австро-Венгрией. А это означало, что ход истории пошел именно по тем рельсам, по которым его направляли Масарик и Бенеш.

И пошел стремительно! С лета 1918 года союзные страны одна за другой признают работающий в Париже Чехословацкий национальный совет основой будущего правительства. 14 октября это правительство создается.

16 октября опубликовано последнее официальное обращение к Вудро Вильсону со стороны Карла I. В нем среди прочего содержалось предложение автономии для чехов, но не говорилось ни о решении польского вопроса, ни о судьбе народов, населяющих Венгерское королевство, ни о будущем южных славян.

Через два дня обращение было Соединенными Штатами отвергнуто. Вудро Вильсон сообщил, что федерализация Австро-Венгрии уже не является достаточным условием для мира, а Чехословацкий национальный совет признается Антантой в качестве воюющей стороны и своего союзника. В это же время Масарик отправляет Вильсону декларацию о независимости Чехословакии – она была опубликована 18 октября и стала известна как Вашингтонская декларация.

28 октября в Женеве произошла встреча Эдварда Бенеша с Карелом Крамаржем – представителем «домашнего сопротивления», известного как «Мафия». На этой встрече были определены основные черты государственного устройства новой страны – в частности, решено, что Чехословакия станет республикой, а первым президентом должен быть Масарик. В тот же день Национальный комитет Чехословакии принимает закон об учреждении независимого чехословацкого государства и о его создании провозглашается на площадях Праги.

13 ноября была утверждена временная конституция Чехословакии, а Национальный комитет переименовал себя в Революционное национальное собрание. На следующий день оно еще раз провозгласило чехословацкую независимость (это событие, как мы видим, произошло по меньшей мере дважды) и избрало Масарика президентом страны. Первым председателем правительства стал Карел Крамарж. Эдвард Бенеш занял пост министра иностранных дел –

⁵ Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. Прага: Пламя-Орбис, 1926 (цит. по: http://militera.lib.ru/memo/other/masaryk_tg01/index.html; далее – Мировая революция).

⁶ Шаццлло В. Первая мировая война, 1914-1918: Факты. Документы. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 331.

этот портфель сохранится за ним в течение 17 лет, несмотря на все политические кризисы и смены кабинетов. В скором времени Сен-Жерменский и Трианонский мирные договоры окончательно похоронили Австро-Венгрию.

Так на свет родилось новое государство, известное в историографии как Первая республика. Его государственное устройство будет вполне официально построено на тотальном отрицании австрийского наследия. Томаш Масарик назовет это словом *odrakouštět*, которое можно перевести как отавстриячиться⁷ или разавстриячить.

Но справедливо ли такое отношение к имперскому прошлому? Многие готовы с этим поспорить. «Позднее националисты и коммунисты в один голос утверждали, что Габсбургская империя была “тюрьмой народов”. На самом деле Австро-Венгрия представляла собой скорее инкубатор, в котором росла и зрела культура, а вместе с ней и национальное самосознание чехов и словаков, хорватов и словенцев, сербов и румын», – пишет историк Ярослав Шимов⁸.

«Возникающее чешское государство помимо поддержки держав-победительниц также пользовалось “поддержкой” исчезнувшей Австро-Венгрии, поскольку оно могло опереться на его законодательство, экономические и социальные институты, демократическую политическую систему», – уверен чешский публицист и, кстати, многолетний непримиримый критик Вацлава Гавела Эммануил Мандлер⁹.

Отношение чешского общества к Вене явно не было однозначным. Как ни крути, но чехи составляли 13% габсбургской армии на полях Первой мировой – только погибших среди них оказалось больше, чем всех чехословацких легионеров, поставленных под ружье Антантой. Еще в 1917 году чешские депутаты имперского совета приняли несколько резолюций, заявляющих о лояльности империи.

Конечно, эти выступления легко списать на военное время, когда открытая оппозиция Габсбургам была попросту невозможна. Но не стоит забывать, что даже отец-основатель Чехословакии начинал как вполне лояльный империи политик – историк Вратислав Доубек в своем биографическом очерке называет молодого Масарика «убежденным австрийцем»¹⁰.

А в 2016 году журнал *Reflex* поместил на обложку портрет улыбающегося Франца Иосифа с подписью «Чехи любили своего императора». Так что упрощенно-негативное представление об Австро-Венгрии, для русского читателя еще и подкрепленное сатирическим гением Ярослава Гашека, не стоит принимать как единственно верное.

Рождение нации

Первая республика, конечно, не вернется и вернуться не может <...> Однако ценности, из которых выросла Первая республика, и опыт, который она дала нашим народам, на мой взгляд, всегда будут важным источником вдохновения, независимо от того, какую историческую форму примет путь к демократии.¹¹

Вацлав Гавел написал это в 1988 году, к 70-летию чехословацкой независимости. Насколько же правдив образ Первой республики как передового и процветающего государства, оазиса демократии в тогдашней Центральной Европе? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться.

⁷ Бобраков-Тимошкин. С. 46.

⁸ Шимов Я. Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. С. 13.

⁹ Mandler E. Oba moji prezidenti: Vaclav Havel – Vaclav Klaus. Praha: Libri, 2004. С. 120 (далее – Мандлер).

¹⁰ Českoslovenští prezidenti. Praha: Prostor, 2016. С. 14 (далее – Чехословацкие президенты).

¹¹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157082>.

Для начала, Чехословакия была, вне всякого сомнения, гораздо более свободным и демократичным государством, чем большинство ее ближайших соседей: Польша, Венгрия или Румыния. В стране успешно функционировали партийная и парламентская системы, цензура была довольно мягкой, на протяжении всех двадцати лет Первой республики не случилось ни узурпации власти, ни военных переворотов.

1920-е и 1930-е годы – время колоссального образовательного рывка. Если первый в новейшей истории и единственный довоенный университет, где давалось образование на чешском, появился лишь в 80-х годах XIX века, то к 1937 году в стране их было шестнадцать. Уровень неграмотности к 1930 году упал до 4%, и это с учетом очень бедной и отсталой Подкарпатской Руси (территория, после Второй мировой войны присоединенная к Украинской ССР)¹².

Еще в конце XIX – начале XX века Чехия стала одним из самых промышленно развитых регионов мира. Перед Первой мировой войной ВВП на душу населения в чешских землях был на 21% выше, чем в среднем по империи¹³; в Богемии и Моравии была сосредоточена половина промышленности Австро-Венгрии¹⁴.

Занимая лишь 22% территории Австро-Венгрии и представляя четверть населения империи, Чехословакия получила в свое распоряжение непропорционально большую часть имперской промышленности – во многих отраслях от 70 до 90%! Даже с учетом относительно аграрной Словакии и уж совсем аграрной Подкарпатской Руси Чехословакия входила в десятку самых индустриально развитых стран мира¹⁵.

Более пристальное рассмотрение статистики покажет, что даже с этим промышленным багажом экономика страны была не так уж эффективна. Например, некоторые подсчеты указывают, что по ВВП на душу населения Чехословакия уступала Бельгии или Дании почти вдвое¹⁶.

Одновременно стоит признать «управляемый» характер чехословацкой демократии. На протяжении большей части истории Первой республики законодательная власть концентрировалась в руках пятерки крупнейших партий. В 1933 году был принят закон, дающий президенту экономические полномочия в обход парламента во время великой депрессии. В парламенте существовал Постоянный комитет из 16 депутатов и 8 сенаторов, и он решал парламентские вопросы между сессиями.

Если верить коммунистическим источникам, которые приводит Йозеф Корбел (чешский дипломат и историк, отец Мадлен Олбрайт), то в столкновениях полиции с рабочими в первой половине 30-х годов было убито 29 человек, еще 101 человек был ранен¹⁷.

В оппозиционной прессе Эдварда Бенеша с сарказмом называли «дофином» – все понимали, что именно он унаследует президентское кресло после смерти или добровольной отставки Масарика, и в 1935 году именно так и произошло.

В стране существовал своеобразный культ личности Масарика. Американский историк чешского происхождения Ярослав Пеликан вспоминал, что в его семье фотография президента висела на стене рядом с христианскими образами. Университет в Брно переименовали в Масариковский еще при жизни главы государства.

Уже будучи президентом, Масарик восемь раз выдвигался на Нобелевскую премию мира. Трижды, что удивительно, его выдвигал еще до и во время войны философ Франтишек Дртина,

¹² Korbel J. Twentieth-Century Czechoslovakia: The Meanings of Its History. New York: Columbia University Press, 1977 (цит. по: questia.com; далее – Корбел).

¹³ Корбел.

¹⁴ Орзофф.

¹⁵ Корбел.

¹⁶ <https://www.novinky.cz/ekonomika/486684-konec-mytu-ani-za-prvni-republiky-jsme-se-nemeli-lepe-nez-nemci-nebo-rakusane.html>.

¹⁷ Корбел.

отец известного в будущем политика Прокопа Дртины. Отметим мимоходом, что в студенческой юности Франтишек снимал комнату у прадеда Вацлава Гавела.

Когда в 1926 году один из немецких журналов спросил известных европейских интеллектуалов, кто мог бы стать президентом воображаемых Соединенных Штатов Европы, Бернард Шоу ответил «естественно, Масарик». Мировая популярность Масарика и представление о Чехословакии как стране «любимцев Антанты» со временем сыграют с ней злую шутку – для чехов станет потрясением то, как союзники обойдутся с ними перед Второй мировой войной.

Кроме того, отмечает британский историк Норман Дэвис, «Чехословакия имела репутацию демократии, которая была прочнее за рубежом, чем среди собственных меньшинств: немцев, словаков, венгров, поляков и русинов»¹⁸. Когда внешние враги успешно разыграют против Чехословакии карту ее внутренних национальных проблем, а союзники не придут к ней на помощь, молодое государство рухнет. Но и об этом чуть позже, а пока вернемся к нашему новорожденному герою, точнее, к его семье.

¹⁸ Auer S. *Liberal Nationalism in Central Europe*. New York: RoutledgeCurzon, 2004 (цит. по: questia.com; далее – Auer).

Семья Гавелов

Скромное обаяние буржуазии

Вся династия Гавелов и многие ее представители сами по себе вполне заслуживают отдельных книг, и на чешском языке такие книги уже появляются.

Несколько поколений этой семьи создали великолепную историю становления чешской буржуазии, ее участия в процессе национального возрождения внутри австро-венгерской монархии, а затем деятельного вклада в созидание нового чехословацкого государства. Эту историю создавали успешные предприниматели, но ими двигали отнюдь не только их коммерческие амбиции. Находилось место и для культурных устремлений, и для искреннего желания служить обществу. «Предпринимательство в том лучшем смысле слова, который я еще ребенком узнал в среде, где я рос, всегда было чем-то большим, чем просто погоня за прибылью», – вспоминал Вацлав Гавел уже в 90-х годах¹⁹.

Прапрадед Гавела, Вацлав Франтишек Гавел (1792–1848), был мельником. Мельница его находилась в самом центре города, на «смиковской» стороне Влтавы, между современными мостами Йирасека и Палацкого, и до наших дней, конечно, не сохранилась.

Его единственный сын, Вацлав Юлиус (1821–1884), был вынужден продать мельницу, чтобы обеспечить приданое своим восьми сестрам. Он служил весовщиком на вокзале (для человека XIX века служба если не престижная, то вполне солидная) и сдавал комнаты студентам. Так, в юности у Гавелов жил и столовался Франтишек Дртина – будущий преподаватель философии, депутат имперского совета от партии Томаша Масарика. Его сын Прокоп Дртина станет одним из ближайших соратников Эдварда Бенеша, поработает чехословацким министром юстиции после Второй мировой, отсидит больше десяти лет в коммунистической тюрьме и скончается лишь в 1980 году; передача мемуаров Прокопа Дртины за границу будет одним из пунктов обвинения на большом процессе против группы диссидентов, включая и правнука Вацлава Юлиуса Гавела.

Смерть Вацлава Юлиуса парадоксальным образом вытолкнула его сына в большую коммерцию. Молодому Вацлаву (1861–1921) потребовались деньги на похороны отца, пришлось занимать у еврея-ростовщика. Потом Вацлав этот долг успешно выплатил, но еврейу понравилась деловая хватка клиента – он стал давать ему небольшие поручения, а потом предложил кредит для открытия своего дела. Вторым источником капитала стало наследство, которое жене Вацлава Эмилии оставил несостоявшийся жених ее тетки.

Со временем дед нашего героя Вацлав Гавел получил в Праге большую известность как успешный девелопер. Он возвел полтора десятка больших домов, построил первый в городе искусственный каток. И что самое главное – создал «Люцерну».

Этот торгово-развлекательный комплекс, примыкающий к Вацлавской площади и занимающий место между Штепанской и Водичковой улицами, существует по сей день, автор этой книги даже ходил туда на дискотеку. «Люцерна» была настоящим детищем своего времени – времени быстрого технического прогресса (это первое в Праге здание из железобетона) и, конечно, времени бурного развития городской жизни. Вацлав Гавел понимал, что большому городу нужна своя индустрия досуга. «Люцерна», с ее магазинами, кафе, одним из крупнейших пражских кинотеатров той эпохи, отвечала этому запросу – она стала местом, где было приятно, интересно и модно проводить свободное время.

¹⁹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/159349>.

При этом Гавел-дед вовсе не был «чистым» коммерсантом, который бы интересовался только деньгами. Он увлекался мистикой, был дружен с известной чешской оккультисткой Анной Паммровой, да и сам, пусть и под псевдонимом, выпустил книжку эзотерического содержания.

Он дружил также с известнейшими чешскими политиками того времени Карелом Крамаржем и Алоисом Рашином (в честь Рашина в 1924 году переименоуют набережную, где находится один из известнейших домов, построенных Вацлавом Гавелом; квартира в этом доме сохранилась у семьи и после коммунистического переворота). Вацлав Гавел входил в Товарищество поддержки Национального театра (и даже считался там неофициальным «министром финансов»). Благодаря этому он был, например, знаком с Ярославом Врхлицким – первым чехом, которого выдвинули на Нобелевскую премию по литературе.

Долгое время Вацлав Гавел и его жена много путешествовали, но в одну из поездок на озеро Блед (современная Словения) у Эмилии Гавловой случился инфаркт. После этого от дальних разъездов решили отказаться, и дед Вацлава Гавела построил в Южной Моравии усадьбу, получившую название Гавлов. Со временем Гавлов станет и любимым местом семейного отдыха, и местом сбора гостей, в том числе именитых. Как написал в семейном альбоме Гавелов поэт Витезслав Незвал, «na Havlově je krásně, jak v kouzelnem dvorci z Puškinovy básně» («Гавлов прекрасен, как сказочный дворец из стихов Пушкина»).

Основную линию семейного бизнеса унаследовал Вацлав Мария Гавел (1897-1979) – старший сын Вацлава и первый член семьи, выбросивший из имени букву «с». Уже с юных лет он работал в «Люцерне» настройщиком автоматов с туалетной бумагой, потом окончил технический университет в Праге (České vysoké učení technické v Praze, ČVUT), который ведет свою историю с начала XVIII века и по сей день остается самым престижным техническим вузом Чехии.

Очень важной для становления интересов Гавела-отца оказалась образовательная поездка по Соединенным Штатам, куда он отправился на своего рода многомесячную стажировку. Там его очень заинтересовали большие жилые комплексы в пригородах калифорнийских городов. По возвращении в Чехословакию Вацлав Мария возьмется за строительство подобного жилого квартала, который станет известен под названием Баррандов.

Но и Вацлав Мария известен не только как коммерсант. Он был деятельным участником международного студенческого движения – его христианско-демократической ветви. Гавел-старший основал чехословацкое отделение YMCA, Young Men's Christian Association. Как представитель студенчества он смог поехать во Францию на мирную конференцию, призванную урегулировать итоги Первой мировой войны.

Отец будущего президента и дальше был постоянно включен в общественную жизнь Первой республики, хотя всегда оставался далек от публичной политики – его политическую жизнь можно назвать клубной или кулуарной. Он стал членом масонской ложи. В 1932 году, когда Европу захлестывали волны великой депрессии, Гавел вместе с друзьями создал неформальную «баррандовскую группу» – собрание интеллектуалов, которые пытались выработать сценарий выхода из кризиса. В 1935 году баррандовцы написали программу под названием «Демократия порядка и действия», где призывали правительство взяться за решение социальных проблем, чтобы эти проблемы не вытолкнули к власти фашистов или коммунистов.

Будучи крупными коммерсантами, Гавелы тем не менее никогда не сторонились левых идей. Первая жена Вацлава Марии Бела Фридлиндера вообще имела славу «салонной коммунистки». Долгого брака, впрочем, не вышло – в середине 20-х годов они разошлись по обоюдному согласию.

Вторую жену, настоящую многолетнюю спутницу жизни Вацлава Марии Гавела, «архетипичную пражскую матрону»²⁰ и мать будущего президента звали Божена Вавречкова (1913-1970). В июне 1935 года они поженились в Староместской ратуше, церемонию вел приматор (то есть мэр) Праги.

Отец Божены Гуго Вавречка (1880-1952) тоже был ярчайшим человеком своей эпохи. Электротехник по образованию и обладатель нескольких инженерных патентов, он стал журналистом и писателем, написал шуточную книгу «Франтишек Леличек на службе у Шерлока Холмса». Работал репортером в Болгарии во время Первой балканской войны. В Первую мировую уехал в Триест и завербовался на флот, где с 1916 года работал как агент «домашнего» чешского сопротивления, «Мафии». Участвовал в Парижской мирной конференции в качестве экономического эксперта чехословацкой делегации – главными журналистскими темами Вавречки до войны были именно вопросы экономики. Затем стал дипломатом, служил послом Чехословакии в Венгрии и Австрии. В 1932 году закончил посольскую карьеру, отказался от места в Министерстве иностранных дел и уехал в Злин управлять обувными фабриками одного из крупнейших чешских предпринимателей той эпохи Томаша Бати.

Как топ-менеджер компании Бати он активно занимался развитием экономической инфраструктуры, лоббировал строительство дорог и каналов. Во второй половине 30-х годов премьер-министр Милан Годжа попросил Вавречку заняться развитием экономических связей Чехословакии со странами Малой Антанты.

За две недели до Мюнхенского сговора Вавречку назначили министром пропаганды (само министерство было спешно, но со слишком большим опозданием создано для противодействия натиску Третьего рейха). А вскоре после аннексии Судетского края он вошел в делимитационную комиссию, которая должна была провести новые границы между Чехословакией и нацистской Германией.

Отец чешского Голливуда

«В семье господствовала неписаная традиция приспосабливаться к политическим обстоятельствам и уже в их рамках следовать за своим капиталистическим или семейным счастьем», – пишет биограф Гавела Даниэль Кайзер²¹. Но рассказ о «приспособлении к политическим обстоятельствам» был бы неполным без еще одной важной фигуры в истории этой семьи.

Еще в юности Вацлав Мария Гавел и его младший брат Милош сделали короткий документальный фильм о смертном приговоре лидерам Мафии, Карелу Крамаржу и Алоису Рашину (как можно понять по предыдущим главам, он не был приведен в исполнение). И если Вацлав Мария в итоге перенял дело отца, то для Милоша Гавела кинематограф оказался призванием.

Сам он не стал ни актером, ни режиссером – его увлечение кино удачно сплывилось с семейной коммерческой жилкой. Кроме того, Милош очень своевременно поймал волну стремительного роста киноиндустрии – вскоре после войны он заполучил монополию на прокат 14 американских фильмов в нескольких европейских странах. Принадлежащая ему American Film Company открыла филиалы в Вене, Будапеште, Загребе, Белграде, Варшаве и Софии.

В 1929 году в «Люцерне» показали первый звуковой фильм в истории чехословацкого проката – американский мюзикл «Show Boat». Правда, в начале 30-х годов правительство ввело пошлины на ввоз иностранных фильмов, которые очень серьезно ударили по прокату американского кино. Но Милош Гавел к тому времени уже был готов развивать отечественное кинопроизводство.

²⁰ Žantovský M. Havel. Praha: Argo, 2014. С. 28 (далее – Жантовский).

²¹ Kaiser D. Disident Vaclav Havel: 1936-1989. Praha: Paseka, 2009. С. 31 (далее – Кайзер).

В своих мемуарах Вацлав Мария Гавел кропотливо воспроизводит мельчайшие детали огромной стройки, запущенной им в Баррандове. Но самым строительством работа вовсе не кончалась – предстояло вдохнуть в Баррандов жизнь, заселить и освоить это новое для города пространство. В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века это было не так просто. Гавел-старший приложил колоссальные усилия для продажи земельных участков, открыл там новый большой ресторан, добился прокладки дорог. И все равно значительная часть нового комплекса рисковала остаться пустой. Но именно тогда и родилась на свет идея, которая впишет в историю само название «Баррандов»: Милош Гавел решает с помощью брата создать там новую киностудию.

25 января 1933 года в одном из новых павильонов начали снимать первую ленту «Баррандова» – «Убийство на Островной улице» (между прочим, сейчас на пражской Островной улице приютилась Библиотека Вацлава Гавела).

Строго говоря, это была даже не студия, а большой комплекс студий – до наших дней один из крупнейших в Европе. Перед крахом Первой республики «Filmové továrny AV na Barrandově» давали работу сотням людей и выпускали до 80 фильмов в год.

Работа студии не прекратится и в годы нацистской оккупации. Свою работу продолжают ведущие чешские актеры и режиссеры, а фактическим главой чешского кинематографа все эти годы будет оставаться Милош Гавел. Но о военной и послевоенной биографии семьи Гавелов чуть позже, уже совсем скоро.

О первых годах жизни маленького Вашека или Веноушека известно не так много. Мы знаем, что родился мальчик сравнительно небольшим – около 50 сантиметров ростом и весом в 3,27 килограмма. Знаем, что развивался совершенно обычно – так, осенью 1937 года впервые пошел. Знаем, что в семье Гавелов работали гувернантки, но Божена Гавлова была вовлечена в воспитание детей гораздо сильнее, чем подавляющее большинство женщин ее круга (а сыновей вскоре стало двое – в октябре 1938 года родился Иван Гавел). По общим воспоминаниям, она была женщиной довольно властной и резкой. Сам Гавел признавался позже, что и обе его жены силой характера походили на его мать.

С отцом у мальчика сложились куда более теплые отношения. Бывший пресс-секретарь Гавела, директор гавеловской библиотеки и автор самой обстоятельной биографии своего начальника Михаэль Жантовский сравнивает два письма, отправленных одиннадцатилетним Вацлавом из школы-интерната.

Матери: «Не забыл ли я дома свою перьевую ручку? Чем закончились выборы в Праге и во всей республике? У меня все в порядке. С уважением, В. Гавел».

Отцу: «Дорогой папа. Желая тебе к твоему празднику всего наилучшего, что может пожелать сердце и нельзя высказать словами, то есть чтобы все другие твои праздники прошли в лучших условиях. Твой сын Вацлав Гавел»²².

Вацлав довольно быстро начал читать – алфавиту детей учила пани Божена. Был, по общим воспоминаниям, смышленным мальчиком. Братья Гавелы росли в довольно свободной атмосфере – им «досталось воспитание, которое стало обычным лишь пару поколений спустя»²³. Друга и делового партнера семьи, адвоката Велеслава Валя четырехлетний Вашек спросил, почему у того нет волос на голове. Адвокат попытался пошутить, сказав, что волосы у него растут внутрь; на это Вацлав совершенно серьезно ответил, что они уже пробиваются через нос. (Увы, к этой забавной истории придется добавить горечи: в 1942 году Велеслав Валь будет убит нацистами как участник Сопротивления. Его сын, тоже Велеслав, был орнитологом и работал в Пражском зоопарке, тоже участвовал в Сопротивлении, сражался в майском вос-

²² Жантовский. С. 33.

²³ Кайзер. С. 15.

станции 1945 года; в 1949-м арестован как член антикоммунистического подполья, а в 1950-м казнен.)

Во время войны Вацлав Мария Гавел продолжал управлять своим бизнесом, но семью предпочел держать подальше от Праги – большую часть времени жена и дети провели в Гавлове, время от времени гостили в Злине, где жили Вавречки. В 1942 году Вацлав пошел в школу в деревне Ждарец. Об уровне обучения мы можем только догадываться, но получал Вацлав одни единицы, то есть, в русском пересчете, пятерки.

Божена Гавлова хорошо рисовала и поощряла занятия рисованием у детей. Вацлав охотно изображал королей и рыцарские замки, солдат в исторической форме, малевал цветные изображения птиц и грибов. Иван однажды набросал портрет Гитлера.

Семейные воспоминания, как и письма, сохранили мало черт военного времени. Гавелам удалось пережить его довольно спокойно. Из больших переживаний – скарлатина Вацлава. Мальчики вели обычную детскую жизнь, купались летом и катались на коньках зимой – старшинство явно давало Вацлаву спортивное преимущество. «Через полчаса я уже катался как черт, а Иван часто падал», – вспоминал он²⁴. В Злине Вацлав много времени провел с собакой Вавречек и на всю жизнь прикипел к собакам.

Примерно в пять лет Вацлав впервые познакомился с театром – его мать вместе с друзьями семьи и детьми инсценировала сказку «Фанфулин и принцесса Фанфулина». «Для меня это был особенный и захватывающий опыт, я впервые столкнулся с той странной чертой, что отделяет сцену от зрительного зала», – вспоминал Гавел²⁵.

Сохранился любопытный документ, который не имеет точной даты, но примерно датируется 1946 годом. Вацлав Гавел вместе с братом Иваном создали проект будущей «Фабрики добра». Мальчики слышали о существовании «Шкоды», в разговорной речи называемой «шкодовка», и решили, что она приносит только «шкоду», то есть вред и зло. Взамен они решили построить «Добровку», где работало бы 90 000 человек!

«Ранние фотографии показывают нам улыбающегося, светловолосого, голубоглазого, почти ангельского мальчика, окруженного любовью и заботой. Единственной проблемой для ребенка, рожденного в 1936 году, было то, что этот рай не мог продлиться долго», – констатирует Жантовский²⁶. «Рай» семьи Гавелов пережил войну, но вскоре начал осыпаться. И здесь пора сделать небольшую паузу в семейной истории, чтобы вернуться к истории большой.

²⁴ Жантовский. С. 31.

²⁵ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/159600>.

²⁶ Жантовский. С. 29.

Мюнхен. Крах Чехословакии

Перед катастрофой

Изучая ход Второй мировой войны, получаешь почти полную уверенность, что чешские и словацкие территории в любом случае стали бы жертвой немецкой агрессии и что избежать этого было невозможно. Однако любопытно посмотреть, как именно был организован натиск Третьего рейха. Первая республика рухнула не от прямого нападения, а в результате информационной и психологической войны, мастерами которой показали себя Гитлер и его дипломаты. В этой войне они безупречно разыграли национальный фактор – одно из слабых мест страны с самого ее рождения.

Как уже было сказано, никакой исторически сложившейся и четко очерченной области с названием Чехословакия в Европе 1918 года просто не существовало. Границы нового государства устанавливала Антанга, и лидеры союзных стран оказались очень доброжелательны к требованиям чехословацкой стороны, тем более что большинство притязаний решалось за счет проигравших стран.

Центральная Европа после Первой мировой встала перед очевидной проблемой. Раздел территорий, заложенный Версальским, Сен-Жерменским и Трианонским договорами, опирался на идею создания национальных государств. Но вновь созданные, воссозданные или заполучившие новые территории страны не были мононациональными. Румынии, Югославии и Чехословакии достались земли с огромным венгерским населением. В межвоенной Польше значительную часть населения составляли украинцы и евреи; меньшую, но тоже заметную – немцы и белорусы. Немецкой по населению оказалась западная часть Чехословакии.

Ситуация осложнялась тем, что новые государства, не будучи национальными на деле, ощущали себя ими психологически. Так миллионы людей, которые не были ни беженцами, ни переселенцами, оказались в этих странах гражданами второго сорта. Нельзя сказать, что речь всегда шла о реальной дискриминации или притеснении, но по гамбургскому счету это было именно так.

С одной стороны, Чехословакия могла упоминаться как вполне передовая страна, где работали многие механизмы защиты меньшинств. О необходимости мирного и демократического включения немцев в жизнь общества много говорил и Масарик. В своей «Мировой революции» он подчеркивает: «В Европе есть 11 государств меньших, чем наше немецкое меньшинство»²⁷. Судетские немцы получили ключевые права в сфере культуры и образования. Немецкие партии проходили в парламент, а их представители участвовали в распределении министерских портфелей.

С другой стороны, уже первые месяцы жизни нового государства сопровождались стычками, которые унесли десятки жизней. В Революционное национальное собрание – высший представительный и законодательный орган страны до первых парламентских выборов, которые состоялись только в 1920 году – входило 256 делегатов, но ни один из них не был немцем (к слову, только 40 были словаками, и это тоже многое говорило об устройстве чехословацкой политики).

Языковое законодательство было либеральным, но сохраняло множество двусмысленностей. В 1926 году, когда закон о государственном языке вступил в полную силу, десятки тысяч немцев оказались уволены с государственной службы, поскольку не отвечали всем формальным требованиям. Местные чешские активисты пытались манипулировать законами о защите

²⁷ Мировая революция.

меньшинств, чтобы максимально насаждать использование чешского языка в местах проживания немцев.

В ходе земельной реформы чехословацкое правительство национализировало, а затем распределяло среди неимущих крестьян земли покинувших страну немецких аристократов и самих Габсбургов. Однако хозяевами новых участков становились, как правило, чехи. И пусть подчас это объяснялось тем, что немецкие крестьяне лучше обеспечены землей, немцы видели в земельной реформе явный политический подтекст. А тем временем в аналогичную ситуацию попали и словацкие венгры. В годы великой депрессии немецкие районы страны пострадали серьезнее многих других: во-первых, в силу своего ярко выраженного индустриального характера, а во-вторых, из-за негласного стремления правительства больше помогать чехам, чем немцам.

Результатом этой двойственной политики стало то, что миллионы богемских немцев не воспринимали Чехословакию как свою родную страну, не ощущали себя ее гражданами. Возможно, будущие поколения чешских и словацких политиков смогли бы решить проблему, но у Первой республики для этого просто не осталось времени.

«Система защиты меньшинств в том виде, как она существует сейчас, потерпела полный крах. Меньшинства не получают ничего, в то время как сама система <...> оказывается инструментом клеветнической пропаганды против связанных ею стран», – говорил в 1934 году в стенах Лиги Наций польский министр иностранных дел Юзеф Бек²⁸. Его правоту в полной мере смогли оценить в Чехословакии. Необходимость защиты «соотечественников» подчеркивалась еще дипломатией Веймарской республики, но, конечно, по-настоящему стремительно этот вопрос стал раскручиваться после утверждения власти нацистов.

В самой Чехословакии пронацистская Судето-немецкая партия Конрада Генлейна (Sudetendeutsche Partei, или SdP) за несколько лет смогла консолидировать немецкий электорат, став одной из крупнейших политических партий страны. На парламентских выборах 1935 года за партию Генлейна голосовали больше двух третей всех чехословацких немцев, а в масштабах страны она смогла занять первое место, набрав больше 15% голосов. Чем агрессивнее становилась риторика Гитлера, тем крепче были и позиции генлейновцев – на местных выборах весной 1938 года они собрали уже 88% голосов немецких избирателей.

До поры до времени Чехословакия старалась не лезть не рожон и опасного соседа не провоцировать. Осенью 1935 года Бенеш заявил в парламенте: «Наши политические отношения с Германией, поддержанные нормальным развитием экономических отношений, остаются хорошими»²⁹. И действительно, правительство Чехословакии придавало огромное значение развитию связей с Германией. Чехословакия сама в одностороннем порядке отказалась от преимуществ страны-победительницы и заключила с Веймарской республикой несколько торговых договоров – еще не зная, что в разговоре с нацистами простая экономическая логика уже не сработает.

Следующие после Австрии

Через несколько дней после поглощения Австрии Гитлер устроил открытый ужин для дипломатов. Во время ужина он нашел время поговорить с чехословацким послом, чтобы заверить его: объединение с Австрией – это шаг к «европейскому миру». Днем позже удалось выяснить, что гарантии «доброй воли» Чехословакии Гитлер дал и французскому послу.

²⁸ Stachura P. Poland, 1918-1945: An Interpretive and Documentary History of the Second Republic. New York: Routledge, 2004 (цит. по: questia.com).

²⁹ Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884-1948. М.: Индрик, 2013. С. 123 (далее – Марьина).

Однако полагаться на добрые слова немецкой стороны было бы слишком наивным. Серьезность ситуации, в которую попала Чехословакия, становилась очевидной при одном взгляде на карту. Общая протяженность чехословацких границ составляла 4113 километров. Из них 2097 километров приходились на объединенный Рейх. Проблема была также в том, что Прага воспринимала в качестве потенциальных врагов и двух других соседей: Польшу и Венгрию. Венгерский реваншизм оставался в то время постоянным фактором центральной европейской политики. Так называемая Малая Антанта, в которую, напомним, вместе с Чехословакией входили Румыния и Югославия, собственно, и была антивенгерским альянсом.

С Польшей же у Чехословакии был территориальный спор в Тешинской Силезии, на довольно небольшом куске земли, населенном и чехами, и поляками. Этот конфликт не был своевременно решен Антантой – и Польша, и Чехословакия считались странами-победительницами, урегулирование тешинского вопроса отложили. Чехословакия установила свой военный контроль над Тешинем, когда значительная часть польской армии вела бои на востоке, где была провозглашена Западно-Украинская народная республика. Дружественными соседями могли считаться только румыны, с которыми имелся относительно небольшой, около 200 километров, общий участок границы в Подкарпатской Руси.

28 марта Генлейн встретился в Берлине с Гитлером, где, как считается, получил указания усиливать давление на Прагу, выдвигая по возможности неосуществимые требования. 21 апреля руководитель верховного командования вермахта Кейтель в докладе фюреру высказался за внезапное нападение на Чехословакию, а спустя три дня, на съезде SdP в Карлсбаде, Генлейн выступил с требованиями к чехословацкому руководству, получившими название «Карлсбадская программа». Она призывала к полному равноправию чешского и немецкого народов, к созданию немецкого самоуправления на всех уровнях – «немецкие чиновники на немецкой территории», к полной свободе «немецкой культуры и немецкого мировоззрения»³⁰.

28 апреля советский дипломат в нацистской Германии Астахов писал в Народный комиссариат иностранных дел: «Создается как бы фон для грядущей “освободительной” роли Гитлера против “чешской тирании”, угнетающей все народы и действующей заодно с Коминтерном». Астахов сообщал также о впечатлениях от своего посещения Судет: «Немецкое население <...> почти целиком распропагандировано и готово встретить Гитлера как освободителя...»³¹.

Английский и французский послы вскоре после карлсбадского съезда посетили министра иностранных дел Камила Крофту, чтобы сообщить ему о своих надеждах на скорое разрешение кризиса. 17 мая начались консультации между Прагой и Генлейном. Но эти переговоры осложнились слухами о концентрации на границе немецких войск – велика была опасность того, что Германия начнет боевые действия или по крайней мере предпримет недружественные действия 22 мая, в день местных выборов. 20 мая правительство приняло решение об объявлении частичной мобилизации. 21 мая в городе Хеб близ германской границы во время нападения на чешских полицейских погибли два судетских немца.

18 июня Гитлер пишет Кейтелю: «Я приму решение о действиях против Чехословакии, только если буду твердо уверен, как это было в случае вступления в демилитаризованную зону и в Австрию, что Франция не выступит и что поэтому Англия не вмешается»³². Действительно, было очевидно, что своими силами Чехословакия немецкую военную агрессию не остановит. Оставалось понять, как именно готовы ей помочь западные страны, в первую очередь ключевой союзник – Франция. 14 марта глава правительства Леон Блюм дал чехословацкому послу гарантии безопасности. 12 июня Эдуард Даладьё, в апреле сменивший Блюма на посту пре-

³⁰ <http://biofile.ru/bio/38400.html>.

³¹ Марьина. С. 187.

³² Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 1: Надвигающаяся буря. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. С. 136.

мьера, эти гарантии повторил. Однако вскоре выяснилось, что слова французского правительства были слишком дешевы.

Дипломатические успехи во время Первой мировой войны сформировали в обществе представление о чехах как «любимцах Антанты». В действительности же интерес крупнейших европейских держав к Центральной Европе к этому времени значительно ослаб. Многие люди, включая ведущих политиков, воспринимали регион как обобщенную Герцесловакию из романа Агаты Кристи «Тайна замка Чимниз» или республику Зубровка из фильма «Гранд-отель “Будапешт”». Когда в 1930 году один из сотрудников британского Форин-офиса предложил отправить в Прагу специальную миссию для поздравления Масарика с 80-летием, ответная резолюция гласила, что идея не стоит «ни хлопот, ни затрат»; другой начальник высказался еще более едко: «Как насчет Пилсудского и Мустафы Кемалья?»³³

И именно Великобритания, формально с Чехословакией никак не связанная, взяла на себя роль главного игрока в разрешении кризиса, принуждая Францию отказаться от союзнических обязательств. Именно британцы предложили посредническую миссию лорда Ренсимена, который, пробыв некоторое время в Праге, выступил с откровенно пронемецких позиций и не только никак не помог Бенешу, но и подпортил его имидж: в глазах мировой общественности Чехословакия стремительно превращалась из жертвы гитлеровской агрессии в авторитарное националистическое государство, ущемляющее интересы трехмиллионного немецкого меньшинства и не готовое идти на уступки.

Бенеш и правительство к уступкам были готовы. Однако весь смысл поведения Генлейна и стоявшего у него за спиной Гитлера заключался в том, чтобы эти уступки отвергать, взвинчивая ставки и добавляя все новые требования. Так проходили месяцы и недели, напряжение росло, но компромисс не складывался. 30 августа Бенеш принял судетских переговорщиков, чтобы сообщить, что де-факто принимает «Карлсбадскую программу». 4 сентября он вызвал их снова и просто протянул лист бумаги с просьбой сформулировать окончательные условия.

7 сентября в Моравской Остраве полицейский ранил депутата от SdP. Немецкая сторона вышла из переговоров, премьер Чемберлен спешно отозвал из Праги миссию Ренсимена. 12 сентября Гитлер потребовал предоставить судетским немцам право «самостоятельно» решить свою судьбу, предупредив, что они «не покинуты и не безоружны».

В Чехословакии снова объявлена мобилизация. Армия и полиция подавляют беспорядки в Судетах, Генлейн бежит в Германию. Резервисты прибывают в пограничные области, а в стране, по воспоминаниям современников, царит патриотический подъем. Казалось, что либо победа осталась за Прагой, либо начнется настоящая война – по разработанному вермахтом плану «Грюн» крайним сроком нападения на Чехословакию было 1 октября. Но войны вновь не случилось: Гитлер выиграл это противостояние в дипломатическом и психологическом бою.

«У меня есть аэроплан»

13 сентября Чемберлен уведомил Гитлера о готовности нанести личный визит. 15 сентября фюрер принял британского премьера в своей резиденции в Берхтесгадене. 18 сентября по приглашению английского правительства в Лондон прибыли премьер-министр Даладье и министр иностранных дел, будущий вишист Жорж Бонне. Чемберлен ознакомил французских коллег с результатами своей поездки к Гитлеру, и обе стороны договорились о совместном предъявлении ультиматума Праге. В ноте, направленной чехословацкому правительству 19 сентября, западные державы требовали передачи Германии пограничных районов, в которых немецкое население составляло более 50%.

³³ Орзофф.

«Глава британского правительства <...> при энергичной поддержке Даладье опустился до роли какого-то незадачливого политического коммивояжера, который судорожно метался межд Гитлером и чехословацким правительством. Даже больше: Чемберлен унизился до того, что превратился в “большую дубинку” нацистского “фюрера”, требуя от Чехословакии капитуляции перед германским агрессором», – писал советский посол в Великобритании Иван Майский³⁴.

21 сентября эта нота, сперва отклоненная министром Крофтой, была вручена президенту. «Французский посланник передал мне ответ своего правительства со слезами на глазах; по праву он оплакивал конец двадцатилетней политики, которой мы оставались верными до самой смерти. Что чувствовал в эту минуту британский посланник, я не знаю: он был холоден и смотрел упорно в пол во время объяснений французского посланника. У меня было впечатление, что оба в душе стыдятся миссии, которую от имени своих правительств выполняли», – вспоминал Бенеш³⁵.

В тот же день в Праге начинаются протесты, президент Бенеш просит премьер-министра Милана Годжу об отставке и назначает новое правительство во главе с генералом Сыровым. 23 сентября Великобритания и Франция информируют Бенеша, что не возражают против мобилизации (на Граде снова решили, что Франция все-таки подтверждает союзнические гарантии). 24 сентября правительство и военное руководство эвакуировались из Праги, в городе устроено затемнение. По всей стране мобилизовано около полутора миллионов человек.

Однако одновременно с этим британский премьер опять летит в Германию – Гитлер принимает его в Годесберге. 24 сентября Германия выпускает годесбергский меморандум, в котором требует передачи Судет до 28 сентября и проведения плебисцитов в районах со смешанным населением.

25 сентября Чехословакия отклоняет меморандум. Во Франции мобилизованы 600 тысяч человек. Лондон начинает мобилизацию военно-морского флота. Но немецкий блеф продолжается – Гитлер не отдает приказа об атаке, потому что 28 сентября в Мюнхене собирается совместная конференция Германии, Великобритании, Франции и Италии. 30 сентября лидеры стран-участниц подписывают соглашение, предложенное Бенито Муссолини и фактически копирующее годесбергский меморандум Гитлера.

5 октября Эдвард Бенеш добровольно оставил пост президента и без промедления покинул страну. Президента впоследствии много раз упрекали в трусости и капитулянтстве. Ему никогда не забыли обращенных к нации слов, что у него-де «есть план»: злые языки потом говорили, будто на самом деле он хотел сказать «аэроплан».

Уже в социалистические времена возникло устойчивое противопоставление «народа, который хотел сражаться», и предавшей народ политической элиты. Отчасти это представление дожило и до наших дней, хотя с тех пор историки уже успели его серьезно потрепать. Здесь обязательно стоит упомянуть Яна Тесаржа и его книгу «Мюнхенский комплекс». Еще в 80-х годах диссидент и политический эмигрант Тесарж приложил серьезные усилия к тому, чтобы развенчать миф о «народе, готовом сражаться». «Мюнхенский комплекс» убедительно доказывает: что бы ни твердила коммунистическая пропаганда, Чехословакия в 1938 году не была готова к войне.

Инженерные укрепления на границе с Германией потеряли всякий смысл после аншлюса – Третий рейх готов был атаковать через бывшую австрийскую границу, которая подобным образом не укреплялась. Потенциальными противниками Чехословакии были Польша и Венгрия. Среди полутора миллионов мобилизованных солдат было триста тысяч

³⁴ Майский И. Кто помогал Гитлеру (из воспоминаний советского посла). М.: Издательство Института международных отношений, 1962. С. 75.

³⁵ Марьяна. С. 209.

немцев и сто тысяч венгров, и никто не знает, насколько надежными они оказались бы во время войны.

Но самое главное, настаивает Тесарж, «чехословацкий народ лета 1938 года просто-напросто не желал войны, и если у каких-то политических меньшинств были военные настроения, то они базировались на совершенно неверных представлениях, во-первых, о международном положении, во-вторых, о качестве немецкой армии, в-третьих, о возможности собственных вооруженных сил»³⁶.

Критики упрекали Бенеша еще и в том, что он не захотел воспользоваться советской военной помощью, которая ему якобы была предложена. Вопрос участия Советского Союза в чехословацком политическом кризисе, конечно, заслуживал бы на русском языке отдельного труда, но можно прояснить некоторые детали.

В середине 30-х годов была создана довольно сложная и асимметричная система коллективной безопасности. В ее основе лежали двусторонние военные договоры между Францией, Чехословакией и СССР. При этом Советский Союз не брал на себя непосредственные обязательства перед Чехословакией – он обещал лишь вступить в войну в том случае, если в ней уже будет участвовать Франция. И Москва, и Прага, заключая этот полуфиктивный договор, фактически обманывали друг друга. СССР не собирался выступать гарантом мира и стабильности в Центральной Европе, для него речь пока шла просто о дипломатическом утверждении самого себя. Чехословакия совершенно не планировала встречать в какие бы то ни было советские конфликты, например с расположенной от нее за многие тысячи километров Японией; для нее договор с Советским Союзом был лишь одним из инструментов сдерживания Германии.

Против прямого советского вмешательства играла и география: сегодняшняя Западная Украина тогда Советскому Союзу не принадлежала. Общей границы с Чехословакией у него не было, Советской армии нужен был коридор через Польшу и Румынию – два абсолютно враждебных СССР государства. Пражское руководство неоднократно запрашивало Москву о предоставлении помощи вне рамок формальных договоренностей. Москва давала уклончивые ответы и похлопывала чехов по плечу.

«Советское правительство свободно от всяких обязательств перед Чехословакией в случае безучастного отношения Франции к нападению на нее. В этом смысле советское правительство может прийти на помощь Чехословакии лишь в порядке добровольного решения либо в силу постановления Лиги Наций, но никто не вправе этой помощи требовать по праву», – заявил нарком иностранных дел Литвинов, выступая в Лиге Наций 23 сентября³⁷.

Однако, рассчитывая на советскую поддержку, Чехословакия меньше всего на свете хотела заполучить только советскую помощь. В ситуации, когда Англия и Франция уклонялись от войны, Бенеш боялся конфликта, в котором Чехословакия окажется на стороне коммунистической России против Западной Европы. Боялся сценария, при котором «многие в Европе начали бы думать о нем не как о жертве brutальных угроз Гитлера, но как о жестоком угнетателе судетско-немецкого меньшинства, который верит, что нет нужды отвечать на их требования благодаря мощному русскому телохранителю»³⁸.

«Как истинный демократ, всегда искавший и выбиравший пути мирного решения конфликтов, Бенеш предпочел, чтобы его страна принесла жертву на алтарь дела мира, но выиграла морально в глазах той же мировой общественности. Таков был его выбор», – пишет биограф Бенеша Валентина Марьяна³⁹.

³⁶ Тесарж. С. 101.

³⁷ Марьяна. С. 240.

³⁸ Lukes I. Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Benes in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1996 (цит. по: questia.com; далее – Лукес).

³⁹ Марьяна. С. 16.

«Что самое важное, сбережено для будущего молодое поколение, дисциплинированное и умелое, которое было бы принесено в жертву в случае, если бы романтическое, но безнадежное сопротивление предпочли унижительному, но действительно героическому реализму», – записал в своем дневнике американский дипломат Джордж Кеннан, работавший в Праге в дни Мюнхена⁴⁰.

«История, судьба, международное положение, отечественные и иностранные политики, наше общество <...> возложили на плечи этого человека бремя, которое он просто не мог унести», – скажет президент Гавел, выступая на торжествах к 110-летию Бенеша⁴¹. А в 2002 году Гавел напишет, что уже в лондонской эмиграции Бенеш стал для народа «символом чешского боя против нацизма и нашей демократической традиции, тем, чем был де Голль для французов и королева Вильгельмина для голландцев»⁴².

Но эти добрые слова не могут отменить главного: Первая республика рухнула. Началась Вторая республика – по словам Вацлава Гавела, «одна из самых темных эпох нашей современной истории»⁴³. Вскоре Тешинская Силезия была передана Польше, а Подкарпатская Русь и Южная Словакия – Венгрии. В марте 1939 года на оставшейся территории Словакии было провозглашено формально независимое, но подконтрольное немцам государство. Преемник Бенеша доктор права Эмиль Гаха был срочно вызван в Берлин, где его фактически заставили согласиться с созданием Протектората Богемии и Моравии.

Как писала в те дни Марина Цветаева: «Брали – скоро и брали – щедро: взяли горы и взяли недра».

⁴⁰ Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002 С. 67 (далее – Кеннан).

⁴¹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157221>.

⁴² <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/158011>.

⁴³ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157204>.

Оккупация. Милош Гавел и немцы

«Время победы худшего»

Характер нацистской агрессии предопределил и характер будущей оккупации. По сравнению с Польшей, Югославией или советскими территориями она оказалась довольно мягкой.

Используя это слово, нельзя забывать о том, что от репрессий погибли десятки, а по некоторым данным, сотни тысяч чехов. Обоих своих родителей потерял во время войны режиссер Милош Форман. От рук гестапо погибли ближайшие друзья Гавелов и их сотрудники: адвокат Велеслав Валь и один из создателей «Баррандова», архитектор Владимир Грегр. Нельзя забывать об уничтожении чешских и словацких евреев в лагерях смерти, нельзя забывать о трагедии уничтоженных карателями деревень Лидице и Лежаки.

Но, упоминая о 135 тысячах погибших чехов, британский биограф Гавела Кин приводит другую статистику: в 1938-1943 годах рождаемость в чешских землях выросла на 38%!⁴⁴ За годы войны и оккупации население Чехии только увеличилось.

Историк Андреа Орзофф напоминает, что Богемия и Моравия давали около 10% всего промышленного производства Рейха, а к 1945 году на территории страны действовало лишь три десятка не очень больших и не слишком эффективных групп Сопротивления. Бесспорно, многие чешские патриоты рисковали своими жизнями, вступая в подпольные организации – членство в одной из них как раз и стоило жизни отцу Милоша Формана.

И все-таки оккупационную жизнь неплохо описывает анекдот, который, если верить Кину, был популярен и в семье Гавелов. Чех и югослав при встрече рассказывают, как они жили при немцах. Югослав говорит, что при встрече с немцами в форме они обычно сразу стреляли или, чтобы сберечь пулю, резали нацистам горло. Чех же вежливо отвечает, что с удовольствием делал бы то же самое, но у них это было противозаконно.

«Это было время победы всего худшего, что спало в душе нашего общества, время поражения, национального эгоизма <...> это было время, когда река нашей общественной жизни была взбаламучена грязью злобной провинциальности, капитулянтской адаптации к злу, сопротивления всему благородному и современному», – скажет Вацлав Гавел через полвека⁴⁵.

Между тем «время победы всего худшего», как уже говорилось, не было столь горьким для Гавелов. Вацлав Мария увез свою семью подальше от Праги, но продолжал заниматься бизнесом, хоть это, как говорит историк Яна Чехурова, и было «танцем на тонком льду»⁴⁶. «Люцерна» была в Праге 30–40-х годов одним из крупнейших мест для проведения массовых мероприятий, и избежать общения с нацистами ее хозяин не мог.

Но нас вновь интересует судьба дяди Милоша – того члена семьи Гавелов, которому было суждено получить от современников клеймо предателя. «Его контакты с высокопоставленными нацистами, абвером и гестапо во времена Протектората по сей день интерпретируют в черно-белых тонах: его считают либо защитником чешского кино, либо коллаборантом», – пишет биограф Милоша Кристина Ванатовичова⁴⁷.

Был ли Милош Гавел идейным нацистом? Некоторые детали из его молодости могут подтолкнуть к такому мнению. Он состоял в умеренно националистической партии «Националь-

⁴⁴ Keane J. Vaclav Havel: A Political Tragedy in Six Acts. New York: Basic Books, 2000 (цит. по: questia.com; далее – Кин).

⁴⁵ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157204>.

⁴⁶ https://kultura.zpravy.idnes.cz/vaclav-m-havel-jana-cechurova-rozhovor-me-vzpominky-fy5-/literatura.aspx?c=A181109_141918_literatura_ts.

⁴⁷ Wanatowiczová K. Miloš Havel – český filmový magnát. Praha: Knihovna Václava Havla, 2013. С. 19 (далее – Ванатовичова).

ное единение», а в 20-х успел побывать членом ультраправой партии «Национальное фашистское сообщество», один из первых съездов которой прошел в «Люцерне», и профашистской организации «Молодое поколение», но информации о его реальной политической активности нет. Уже в 30-х годах он поддерживал хорошие отношения с немецкими кинематографистами, но это основывалось скорее на деловых интересах, чем на симпатиях к Гитлеру.

Мюнхен и оккупацию 1939 года Милош Гавел однозначно воспринял как угрозу своему бизнесу. Уже в первые дни Протектората случилась попытка рейдерского захвата киностудии: в «Баррандов» заявили чешские фашисты под предводительством ветерана Первой мировой и колчаковского генерала Радолы Гайды – по сути, партийные товарища Милоша 20-х годов. Гавел не струсил и пускать штурмовиков на студию не стал (поступив совершенно правильно: реальность показала, что для немцев чешские фашисты большой ценности не представляли). Но он прекрасно понимал, что вскоре за гайдовцами стоит ждать совсем других гостей. У киностудии был еврейский акционер Освальд Косек, и Милошу довольно быстро удалось уговорить его выйти из бизнеса, чтобы избежать «ариизации» – по закону ей подлежали предприятия, у которых к 17 марта оставались еврейские владельцы и совладельцы. Однако играть в формальные игры с немцами было сложно; вскоре представитель рейхспротектора объяснил Милошу, что дата выхода Косека из числа акционеров студии роли не играет: если потребуется, срок действия закона будет сдвинут на день-другой назад.

Впрочем, и у Гавела на руках оставались свои козыри. Главным было то, что нацисты считали целесообразным сохранение чешского кинематографа – он был инструментом поддержания лояльности местного населения. В конечном счете условия, навязанные чехам, не были ни честными, ни равноправными: значительная часть съемочных площадей и техники отходила немцам, а чешские режиссеры оказались вынуждены работать в немецких картинах. При этом Милош Гавел сохранил высокое положение и был вхож в большие кабинеты. Многие фильмы, снятые на «Баррандове» во время войны, остаются классикой чешского кино: «Эва делает глупости», «Отель “Голубая звезда”» или экранизация классического романа Божены Немцовой «Бабушка».

Лавируя, Гавел смог защитить наиболее талантливых своих режиссеров от работы в Германии. Среди них, например, Отакар Вавра – в будущем многолетний патриарх национального кино и один из самых злобных гонителей Милоша. Гавел дал возможность заработать поэту Витезславу Незвалу – один из официальных классиков социалистической Чехословакии написал сценарий для фильма 1941 года «В тихие ночи», где главную роль сыграла звезда чешского кино, бывшая любовница Геббельса Лида Баарова.

Положение Милоша Гавела усложняло и то, что он был геем. Конечно, не открытым – гомосексуальность считалась уголовным преступлением во всех странах, где он жил, и при всех режимах, от Первой республики до послевоенной Западной Германии. Сам он избежал уголовного преследования и суда и даже, пользуясь связями, смог вытащить из тюрьмы другого гомосексуала, режиссера Вацлава Кршку.

Вполне возможно, что на весах истории добрые дела Милоша Гавела перевесят сотрудничество с нацистами. Но сразу после войны этого не случилось: та часть чешского кинематографа, что не была запачкана таким сотрудничеством, а точнее сказать, смогла убедить в этом себя и общество, жестоко расправилась с коллаборационистами. Это клеймо получили известнейшие актрисы своего поколения: Адина Мандлова и уже упоминавшаяся Лида Баарова. Получил его заменитый пражский комик Власта Буриан. И, конечно, Милош Гавел.

«Почетные пленники России»

После своего отъезда осенью 1938 года Эдвард Бенеш оказался в сложном положении. Второго президента Чехословакии охотно звали в Соединенные Штаты, где ему предложили

читать лекции в одном из университетов, но в чисто политическом смысле вокруг него царил своеобразный вакуум. Если Бенеш и не был в западных, особенно европейских, политических кругах *persona non grata*, то и *persona grata* он тоже не являлся. Европа была удовлетворена исходом Мюнхена – премьер Чемберлен, как он сам говорил, привез в Лондон «мир для нашего поколения».

Но все постепенно стало меняться с началом Второй мировой войны, особенно после разгрома Франции и прихода к власти кабинета Уинстона Черчилля. Летом 1940 года Великобритания официально признала существование правительства в изгнании, а годом позже оно было окончательно признано в качестве законного правительства Чехословакии. Одновременно с этим Бенеш получил признание от СССР, и обе стороны обменялись послами. Послом Чехословакии в Советском Союзе был назначен Зденек Фирлингер – глава первого в будущем послевоенного правительства. А в 1942 году исполнится главная политическая мечта Бенеша: Великобритания денонсирует свое участие в Мюнхенском сговоре, а генерал де Голль сделает то же самое от имени Франции.

Отношения Москвы с лондонским правительством не были гладкими. В первые годы войны репрессировали около 15 тысяч чехословаков, бежавших в СССР; несколько сотен чехословацких граждан даже были расстреляны в Катыни. Лондон совершенно заслуженно подозревал советское руководство и обосновавшихся в Москве чешских коммунистов в том, что они пытаются подмять под себя формирующиеся в СССР чехословацкие части. (Формально они подчинялись лондонскому правительству, но де-факто оказались подразделениями Красной армии; военный атташе Гелиодор Пика пытался этому противостоять, но безуспешно. После коммунистического переворота 1948 года Пика был повешен как контрреволюционер и английский шпион.)

И все-таки бóльшая часть противоречий заметалась под ковер. Сталин не развязывал открытых конфликтов с «реакционной кликой»⁴⁸, как назовет в своих мемуарах лондонское правительство генерал Людвик Свобода. Достаточно сказать, что Москва безоговорочно признавала именно лондонское правительство, не создавая альтернативного, как это было в случае с Польшей и Югославией.

«Реакционная клика» платила Сталину тем же, понимая важность Советской армии для будущего освобождения страны. Многие считают, что война вообще стала переломным моментом в геополитическом мышлении Бенеша: теперь он уже не воспринимал Советский Союз в качестве инструмента полуфиктивных договоров, как в 30-х годах, а искренне верил, что безопасность Чехословакии может быть защищена только при добрых отношениях и с Востоком, и с Западом.

Итоги войны оказались для Чехословакии неоднозначными. Страна лишилась небольшой части территории, причем именно в пользу Советского Союза – Подкарпатская Русь была включена в состав Украинской ССР и остается частью Украины по сей день. Впрочем, эта аннексия была оформлена как исключительно добровольный шаг местного населения, никак не омрачающий отношений двух стран.

Чехословакия, разумеется, не считалась союзницей Гитлера и побежденной страной. При этом Ялтинские соглашения не прописывали ее судьбу столь явно, как судьбу Польши. Однако в правительство, в том числе и на высокие должности, уже были допущены коммунисты. Их лидер Клемент Готвальд стал заместителем премьера Фирлингера.

Сам Зденек Фирлингер, хоть и представлял Чешскую социал-демократическую партию, был после работы в Москве фигурой откровенно просоветской. Генерал Свобода считался в первом послевоенном правительстве беспартийным, но все понимали: портфель министра обороны отнюдь не в нейтральных руках. Примерно треть важнейших армейских должностей была

⁴⁸ Свобода Л. От Бузулука до Праги. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1969. С. 254.

занята коммунистами, тогда как другие политические силы в армии представлены не были – фактически вооруженные силы страны делились на «коммунистов и беспартийных». Джордж Кеннан язвительно называл некоммунистических министров «почетными пленниками России»⁴⁹.

Перед войной в коммунистической партии Чехословакии состояло 70 тысяч человек, в самом ее конце – около 30 тысяч. Но после войны партия стала расти ошеломительными темпами. Весной 1946 года количество членов компартии перевалило за миллион, а зимой 1948 года в ней состояло больше граждан Чехословакии, чем во всех остальных политических партиях вместе взятых⁵⁰.

Коммунисты стали победителями парламентских выборов 1946 года, хотя и не безоговорочными: в чешских землях КПЧ набрала 43,25% голосов, в Моравии и Силезии – 34,46% (и там, и там это было первое место). Коммунистическая партия Словакии набрала у себя немногим меньше, 30,48%, но в Словакии подавляющее большинство избирателей, больше 60%, отдали свои голоса Демократической партии. Потом эти цифры станут поводом для грустной шутки: только в Словакию коммунизм был внедрен с запада (то есть из Чехии), а не с востока. Но так или иначе, итоги выборов послужили однозначному усилению позиций коммунистов, а Клемент Готвальд возглавил новое правительство.

«Это глаза Милоша»

Семья Вацлава Марии Гавела в первые послевоенные годы серьезных трудностей не испытывала. Правда, Гуго Вавречка был сначала обвинен в сотрудничестве с нацистами, но суд освободил его от всех обвинений. Предприятия Бати были национализированы уже в 1945 году, и бывшего топ-менеджера вскоре оттуда уволили – ему, впрочем, уже исполнилось 65 лет.

А вот у Милоша проблемы только начинались. Комиссия по проверке работы киностудии в годы оккупации находилась под мощнейшим влиянием коммунистов. В 1946 году Гавела судил так называемый трибунал национальной очистки. Он был освобожден, но студию ему, конечно, никто возвращать не собирался – еще в августе 1945-го вышел декрет президента Бенеша о национализации кинематографа.

Официально бывшим собственникам запретили трудиться в своих компаниях лишь в 1951 году. Так, Вацлав Мария Гавел успел несколько лет проработать в «Люцерне» наемным служащим – его имущество было национализировано после 1948 года. Но чешское кино в услугах продюсера Милоша Гавела уже не нуждалось и еще меньше стало нуждаться в них после коммунистического переворота. Опытного менеджера хотел заполучить молодой израильский кинематограф – Гавел получил вполне официальное приглашение на работу, но не смог добиться разрешения на выезд. В 1949 году он вместе со своим любовником, официантом Душаном Губачеком, предпринял попытку бежать за границу. Им удалось перебраться в Австрию, но то ли по незнанию географии, то ли по невезению беглецы очутились в советском оккупационном секторе, откуда были выдворены обратно в Чехословакию.

За попытку бегства Милош угодил в тюрьму. Существует легенда, что за него к министру внутренних дел Вацлаву Носеку пошли просить Витезслав Незвал и известный чешский актер Ян Верих. (Иржи Восковец, партнер Вериха по знаменитому комическому дуэту, в 1950 году уехал в США и уже не вернулся. В историю чешской культуры вошла не только совместная театральная работа Вериха и Восковца, но и их многолетняя переписка – фактически уникальное литературное произведение.) Носек, Незвал и Верих вместе отправились на охоту, и Носек

⁴⁹ Кеннан. С. 165.

⁵⁰ Корбел.

якобы пообещал помиловать беглеца, если попадет в уже присмотренную утку. Министр попал, Незвал и Верих поручились, что Гавел больше бежать не станет, – и его выпустили.

Впрочем, в Чехословакии бывшему киномагнату все равно была уготована жизнь изгоя. Вацлав Мария Гавел даже не пустил брата на похороны Гуго Вавречки. (И дед, и бабка Вацлава Гавела скорострительно скончались вскоре после объявления «акции Б» – запланированного коммунистами выселения крупной буржуазии из больших городов.)

Через два месяца после выхода из тюрьмы Милош Гавел вновь бежал за границу в компании Губачека, и на этот раз ему удалось пробраться в ФРГ. Он обосновался в Мюнхене, где начал судиться с киностудией UFA, доказывая незаконность чешско-немецких сделок во время Протектората. Часть его требований была удовлетворена, Гавел получил денежную компенсацию и даже пытался заниматься кинобизнесом, но не слишком удачно.

Не сложилась и его личная жизнь. Роман с Душаном Губачеком расстроился – сексуальная ориентация Душана вообще остается под вопросом, потому как впоследствии он женился. Совместно открытый ими чешский ресторан на первых порах, вероятно, был многим обязан славе и репутации Гавела, но настоящим его управляющим был именно Губачек. После серьезного разлада им пришлось судиться; суд склонялся не в пользу Милоша Гавела, и он сам пошел на соглашение сторон. Ресторан, оставшийся в руках Губачека и его жены, получил большую известность и попал во многие туристические справочники. В нем бывали Элизабет Тейлор и Билли Уайлдер, Вилли Брандт и Франц Беккенбауэр.

Гавел же торговал джинсами и цветами, прогорев, находил в себе силы открыть новое дело, но из череды неудач так и не выбрался. Умирал «создатель чешского Голливуда» в одиночестве и нищете. Родственники, вскрывшие его сейф после смерти, нашли там, по семейному преданию, пару запонок.

Правда, Вацлав Гавел еще успел повстречаться с дядей в 60-х годах, приезжая в Западную Германию на премьеры своих пьес. «Когда я видела его (Вацлава. – И.Б.) по телевизору, то говорила: это глаза Милоша», – признавалась уже в преклонном возрасте Лида Баарова⁵¹.

⁵¹ Ванатовичова. С. 27.

Коммунистический переворот. Судьба семьи. Школа

Победоносный февраль

«Я только что вернулся с Града, от президента республики. Сегодня утром я предложил господину президенту принять отставку министров, которые вышли из правительства 20 февраля этого года. Одновременно с этим я передал президенту список людей, которыми правительство должно быть дополнено. Могу вам сообщить, что президент принял все мои предложения в том виде, как они были поданы», – заявил Клемент Готвальд перед толпой, собравшейся на Вацлавской площади⁵².

13 февраля 1948 года министр юстиции Прокоп Дртина (это его отец жил и столовался у прадеда Гавела) внес на заседании правительства резолюцию против захвата силовых структур коммунистами. Коммунисты составляли в правительстве относительное большинство, но резолюция была членами кабинета поддержана со счетом 15:11.

17 февраля на утреннем заседании правительства Дртина и вице-премьер от Чешской национально-социальной партии (не путать с немецкими национал-социалистами) Петр Зенкл потребовали отчета о выполнении резолюции, но премьер отказался обсуждать этот вопрос, сославшись на отсутствие министра внутренних дел Носека. Затем Готвальд выехал на встречу с Бенешем, где сообщил президенту о начале политического кризиса и о желании оппозиционных партий создать «техническое правительство». Бенеш заверил Готвальда, что при любом развитии событий назначенный им кабинет будет состоять из членов всех парламентских партий.

В тот же день собравшиеся министры от оппозиционных партий (национально-социальной, демократов и «лидовцев» – Чехословацкой народной партии) решили, что в случае неисполнения резолюции они покинут правительство. Президиум ЦК КПЧ выпустил заявление, в котором призвал народ Чехословакии быть готовым «выступить против реакции».

18 февраля министры уже упомянутой тройки партий сообщили о бойкоте работы правительства. Социал-демократы заняли промежуточную позицию и явно были настроены добиваться компромисса. Петр Зенкл и министр внешней торговли Губерт Рипка посетили Бенеша. При этом первый вспоминал, что президент поддержал их в борьбе за резолюцию 13 февраля, а второй утверждал, что Бенеш выступал за досрочную отставку правительства: «Чем раньше, тем лучше, главное, чтобы выборы состоялись так быстро, как только возможно»⁵³.

Коммунисты досрочных выборов не хотели. Политический отчет советского посольства за 1947 год содержал некоторую тревогу даже по поводу выборов в намеченный срок: «Реакционные элементы внутри страны, активно поддерживаемые представителями Запада, продолжают считать, что в Чехословакии есть все данные для того, чтобы правые партии получили большинство на предстоящих выборах и изгнали коммунистов из правительства»⁵⁴.

19 февраля Готвальд встречался с лидерами социал-демократов – именно их присутствие позволяло сохранить правительство, а поддержка их парламентской фракции давала коммунистам большинство в парламенте. Однако переговоры провалились – социал-демократы отказались выступить вместе с коммунистами против остальных партий (хотя эту идею поддержал

⁵² http://www.totalita.cz/txt/txt_o_gottwaldk_1948_02_25.pdf.

⁵³ <https://www.vlada.cz/cz/media-centrum/aktualne/jak-to-bylo-v-unoru-1948-pred-60-lety-se-komuniste-dostali-k-moci-31790>.

⁵⁴ Мурашко Г.П. Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство. По новым материалам российских архивов // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 55.

все тот же Зденек Фирлингер). После этого глава коммунистов вновь отправился к Бенешу и вновь получил гарантии того, что президент не назначит «техническое правительство».

20 февраля, не дождавшись убедительного ответа о выполнении резолюции, представители национально-социальной партии заявили об отставке, министры от «лидовцев» и Демократической партии к ним примкнули. Социал-демократы сообщили о своем отказе как поддержать демарш, так и сформировать правительство левого большинства вместе с коммунистами. Готвальд опять встретился с Бенешем, заявив президенту, что согласен на уход оппозиционных министров и готов представить кандидатуры для их замены.

На следующий день напряжение только продолжало нарастать. Коммунисты начали формирование так называемой народной милиции – первые отряды были созданы на крупных заводах Праги и Братиславы. В воскресенье 22 февраля в Праге прошел съезд заводских советов, который подавляющим большинством голосов поддержал Готвальда и запланировал общенациональную часовую забастовку.

23 февраля министерство внутренних дел ограничило деятельность партий, министры которых подали в отставку, и начало вооружать отряды народной милиции. Зденеку Фирлингеру снова не удалось провалить позицию прокоммунистического крыла социально-демократической партии – руководство соцдемов высказалось за реконструкцию правительства в рамках Национального фронта.

Вечером прошел обыск в центральном секретариате национально-социальной партии. В полдень 24 февраля началась общенациональная забастовка, в которой приняли участие более 2,5 миллиона рабочих. К вечеру группа социал-демократов из окружения Фирлингера при поддержке коммунистов и народной милиции захватила здание собственной партии и взяла под контроль ее центральный секретариат.

Ночью коммунисты приняли решение сконцентрировать свое давление на Бенеше, не вступая в переговоры с оппозиционными партиями. На случай, если тот откажется принять отставку оппозиционеров, была запланирована большая забастовка. Но оказать серьезное сопротивление Бенеш не мог. Это уже давно был тяжелобольной человек, переживший инсульт и страдающий болезнью Меньера.

25 февраля национальные социалисты ожидали приглашения на Град. Приглашения не поступило, и к Бенешу выехал генеральный секретарь партии Владимир Крайна, однако президент принять его отказался. Позже он не принял и министра юстиции Дртину. А во второй половине дня в ходе десятиминутной встречи с Готвальдом Бенеш согласился на все его предложения. После аудиенции Готвальд выехал на Вацлавскую площадь, чтобы триумфально выступить перед сотысячной толпой сторонников.

«Теперь, товарищи, когда воля нашего народа была так славно утверждена, необходимо сплотиться в мощном рабочем усилии, чтобы преодолеть все сложности, которые перед нами стоят, и чтобы построить из нашей республики, свободной от реакционеров, счастливый дом всех трудящихся», – закончил свое выступление Готвальд⁵⁵. Власть была в руках коммунистов.

Фактически февральский переворот прошел без кровопролития и почти без насилия. Один из лидеров современной Коммунистической партии Чехии и Моравии Йозеф Скала и вовсе пишет, что «унаследованная от масариковской республики Конституция была соблюдена до буквы»⁵⁶.

Эдвард Бенеш после этого отправился, по сути, в добровольную ссылку и показался на публике лишь дважды: на юбилее Карлова университета и на похоронах Яна Масарика – сына первого президента и министра иностранных дел, который вскоре после переворота то ли выбросился из окна, то ли был выброшен. В мае он отказался подписать новую конституцию

⁵⁵ http://www.totalita.cz/txt/txt_o_gottwaldk_1948_02_25.pdf.

⁵⁶ <https://www.kscm.cz/cs/aktualne/medialni-vystupy/komentare/pokrok-demokraticky-umi>.

страны, а 7 июня покинул свой пост. В сентябре того же года второй президент страны ушел из жизни.

«Люди из окружения президента Бенеша вспоминают о том, что он сопротивлялся давлению со стороны Готвальда. Тот же настаивал, что отказывается договариваться с представителями некоммунистических партий, и Бенеш наконец во всем пошел ему навстречу. К сожалению, необходимо сказать, что роль Бенеша в феврале 1948 года была не только постыдной, но при этом и судьбоносной для целой страны», – отмечает современный чешский историк Петр Блажек⁵⁷.

«Акция Б»

1948 год принес большие перемены в жизни Гавелов.

Гуго Вавречка предстал перед новым судом и по сфабрикованным обвинениям был приговорен к трем годам лишения свободы, но парадоксальным образом помилован Готвальдом.

Вацлав Мария Гавел меньше чем за год до революции вступил в самую (из всех действующих) непримиримую к коммунистам партию – Национально-социальную. Весной в 1947 году Губерт Рипка предложил ему войти в ее экономический совет. «Это уже было в то время, когда партия отстаивала перед коммунистами масариковскую демократию, пусть и с социалистической ориентацией. Я верил, что социализм обязательно должен заменить у нас капиталистический строй, который был помехой в достижении полной занятости и финансировании больших инвестиционных строек», – вспоминал Гавел-старший⁵⁸. И хотя большого вклада в работу партии он сделать попросту не успел, его репутация в глазах новой власти сильно пострадала.

В марте 1949 года Вацлав Мария Гавел был арестован и три месяца провел в заключении. Государственная безопасность подозревала его в причастности к тайной сети, организующей побег врагов режима за границу. В конечном счете эти обвинения были сняты. Впрочем, автомобиль, отобраный при задержании, ему не вернули.

Двенадцатилетний Вацлав отправил находящемуся в заключении отцу стихотворение, которое может считаться его первым сохранившимся литературным произведением:

Moc nám tu scházíš,
leč já doufám stále,
že se vbrzku navrátíš,
že se objevíš nenadále.
Starost o Tebe máme,
a stále vzpomínáme.

Нам очень тебя не хватает,
Но я все еще надеюсь,
Что ты скоро вернешься,
Что ты неожиданно появишься.
Мы переживаем за тебя
И все время тебя вспоминаем.⁵⁹

Вскоре после переворота были национализированы «Люцерна» и «Баррандов», но, как уже было сказано, в «Люцерне» Вацлав Мария Гавел продолжал работать до 1951 года.

⁵⁷ https://zpravy.idnes.cz/70-let-vyroci-komunisticky-prevrat-unor-1948-historik-petr-blazek-ps8-/domaci.aspx?c=A180223_125732_domaci_jkk.

⁵⁸ Havel V.M. Mé vzpomínky. Praha: Knihovna Václava Havla, 2018. С. 746.

⁵⁹ Dopisy od Olgy. Praha: Knihovna Václava Havla, 2011 (далее – Письма от Ольги).

В 1952 году в стране проходила «Акция Б» – массовое выселение неугодных людей из крупных городов. Гавелы как представители крупной буржуазии были неугодны и получили декрет на переезд в местечко Альбрехтице на самом севере Чехии, в очищенном от немцев Либерецком крае. (В 2018 году в Albrechtice v Jizerských horách жило всего 346 человек, зато этот населенный пункт – третий во всей Чешской республике по длине официального названия, опережают его только Nová Ves u Nového Města na Moravě и Brandýs nad Labem-Stará Boleslav.)

Через закулисные переговоры Вацлаву Марии удалось затянуть выселение семьи, а потом и добиться разрешения уехать в Гавлов. Однако выяснилось, что Гавлов опечатан – местные власти предполагали, что дом принадлежал эмигранту Милошу. До выяснения обстоятельств семья по-прежнему могла оставаться в своей двухэтажной квартире в доме номер 2000 на набережной Рашина. В это время от инфаркта умер Гуго Вавречка.

Первоначально власти собирались отобрать квартиру в доме на набережной, но отцу будущего президента удалось и здесь постоять за свою семью. В конечном счете Гавелов не выселили, а «уплотнили», забрав нижний этаж. Туда въехали враждебные к Тито югославские коммунисты Милуничи; их сын Владо спустя много лет построит по соседству авангардный Танцующий дом, одну из визитных карточек современной Праги.

В марте 1953 года умер Сталин, а почти одновременно с ним – Клемент Готвальд. Вскоре после смерти вождей «акция Б» была остановлена.

Правда, еще в 1951-м Вацлава Марию Гавела уволили из «Люцерны», но со временем он смог найти себе работу – служащим в Государственном комитете физкультуры и спорта, а позже в Чехословацком союзе физической культуры. К новой жизни приспособилась и пани Божена. Так, с 1960 года она работала в краеведческом центре Пражской информационной службы: продавала экскурсионные туры, сама вела экскурсии и дольше всего проработала в Староместской ратуше – той самой, где ее когда-то выдавал замуж приматор Праги.

Можно сказать, что, пережив первые годы после революции, Вацлав Мария и его жена затем уже не сталкивались с серьезной дискриминацией. Зато ее пришлось изведать и Вацлаву, и Ивану: коммунистический режим откровенно отказывал «буржуазным деткам» в хорошем образовании. Как мы помним, в школу оба брата начали ходить в деревне недалеко от Гавлова, во время войны. Потом они посещали несколько школ в Праге. А в 1947 году родители отправили Вацлава в интернат в Подебрадах.

«Жук»

Идея создания подебрадской школы возникла у Франтишека Ягоды, директора гимназии в городе Кладно, когда он сидел в концлагере Терезин. Одним из товарищей Ягоды по концлагерю был врач Ладислав Филип – кардиолог, основатель сердечного санатория в Подебрадах, энтузиаст скаутского движения. В 1944 году Филип вышел на свободу и в самом конце войны создал в Подебрадах подпольную организацию, которой в мае 1945 года даже удалось договориться с немцами о сложении теми оружия. Сразу после войны кардиолог Филип стал первым председателем местного муниципалитета и одним из создателей лицея имени короля Иржи из Подебрад.

Иржи, или Георгий, Подебрадский – чешский дворянин и полководец. Во время религиозных войн его семья примкнула к умеренному крылу гуситов, известному как чашники или «утраквисты». Иржи удалось возглавить утраквистскую партию, а в середине XV века он был назначен регентом при малолетнем короле Ладиславе. После смерти Ладислава Иржи был коронован как чешский король, что годом позже признал и император Священной Римской империи Фридрих III. Но в дальнейшем взаимопонимание с императором было утеряно, а добрые отношения с папским престолом не сложились вовсе: Ватикан назвал чашников еретиками

и даже призвал к крестовому походу против них. В ходе междоусобных войн гуситский король отказался от права передачи престола своим детям. В современной Праге имя Иржи из Подебрад носит одно из красивейших мест города – площадь с уникальной церковью Пресвятого Сердца Господня.

Впрочем, Ягода и Филип выбрали для школы имя не просто одного из ярких исторических персонажей, имеющих отношение к Подебрадам. Находясь в конфликте с папой римским и пытаясь выйти из политической изоляции, король предложил европейским государям амбициозный Договор об утверждении мира между христианами. При желании в договоре можно разглядеть даже прообразы современной европейской интеграции с проектами общеевропейского суда и общеевропейского парламента. Не случайно, говоря о чешском стремлении снова стать полноправной частью Европы, имя Иржи из Подебрад будет часто упоминать в своих статьях и выступлениях Вацлав Гавел.

Техническое содержание школы взял на себя городской бюджет Подебрад, работу персонала оплачивало правительство. Осенью 1946 года школа торжественно открылась в присутствии министра образования. Как вспоминал впоследствии один из самых известных, наряду с Гавелом, выпускников школы режиссер Милош Форман «треть детей были военными сиротами, треть детей сыновьями могущественных капиталистов, а треть – сыновьями еще более могущественных коммунистов»⁶⁰.

Были среди учеников подебрадской школы люди, меньше известные за границей, чем Гавел и Форман, но, безусловно, заметные в национальной истории. Среди них, например, глава Чешского олимпийского комитета Милан Йирасек и выдающийся дирижер Марио Клеменс. Там же учился еще один чешский кинематографист Иван Пассер – русскому зрителю он больше всего знаком именно как соавтор Формана, сценарист его ранних фильмов «Любовные похождения блондинки» и «Бал пожарных».

Бесспорно яркими фигурами были братья Йозеф и Цтирад Машин. Их отец, офицер Йозеф Владимир Машин, – один из немногих профессиональных военных Первой республики, рискнувших оказать сопротивление немцам: в марте 1939 года Машин попытался взорвать оружейный склад в рузинских казармах, за что был отстранен от службы. В дальнейшем он вместе с двумя друзьями создал подпольную группу «Три волхва», передававшую агентурную информацию лондонскому правительству. В мае 1941 года Машин был арестован гестапо после перестрелки на конспиративной квартире и в тяжелом состоянии увезен в лазарет СС. Летом 1942-го он был расстрелян, по преданию, успев крикнуть палачам: «Да здравствует Чехословацкая республика!»

Весной 1949 года сыновей Машин потрясла казнь нескольких студентов юридического факультета Карлова университета. А после процесса над группой людей, пытавшихся освободить из тюрьмы генерала Пику, братья и несколько их друзей решили создать антикоммунистическую организацию. Их деятельность была крайне спорной. Несколько раз они нападали на полицейские участки; Цтирад Машин с товарищем однажды подожгли несколько стогов сена в знак протеста против насильной коллективизации. Был на их счету и прямой грабеж – одевшись в форму народной милиции, они остановили машину с зарплатой для одного из предприятий и убили казначея. Осенью 1953 году члены группы предприняли попытку бежать в Западный Берлин. Полиции ГДР и советским солдатам удалось захватить двух беглецов, но оба брата и еще один человек благополучно добрались до американской оккупационной зоны и уехали в Штаты. Цтирад Машин умер за несколько месяцев до Вацлава Гавела, Йозеф Машин жив по сей день.

В общей сложности на совести группы семь человеческих жизней; еще трое немецких полицейских были убиты собственными сослуживцами во время охоты на братьев в ГДР.

⁶⁰ https://www.irozhlaz.cz/zpravy-domov/exkluzivni-rozhovor-milos-forman-o-vaclavu-havlovi_201112230800_kkrenova.

Двое участников были казнены. Однозначного отношения к деятельности группы у чешского общества так и не сложилось. Во время опроса 2003 года лишь треть респондентов назвала Машинов героями и более половины – убийцами⁶¹. Однако в 2011 году на похоронах Цтирада министр обороны Александр Вондра заявил о присуждении братьям ордена Золотой липы – специальной награды министерства за выдающийся вклад в развитие обороны и безопасности страны. За несколько лет до этого деятельность группы оценил, хотя и полуофициально, премьер-министр Мирек Тополанек. При этом в одном из последних интервью Цтирад Машин говорил, что у братьев было заведено твердое правило: не брать никаких наград ни от Вацлава Гавела, ни от Вацлава Клауса, которых оба осуждали за отказ запретить коммунистическую партию. Вацлава Гавела Цтирад назвал «кретином, которого вырастили чекисты»⁶².

Лицей короля Иржи строился по английским образцам. Это предусматривало, во-первых, много спортивных занятий, а во-вторых, довольно серьезные наказания, включая карцер и телесные экзекуции. Однажды учитель заставил Гавела перенести с одного берега ручья на другой и обратно груды камней.

Иван Пассер рассказывает, как однажды они с Милошем Форманом устроили соревнование: кто дольше простоит у стены, прижимая головой свою шапку. Оба продержались около трех часов, и Пассер вспоминал, что не мог двигать шеей следующие три дня⁶³. А вот Вацлав Гавел в спортивных состязаниях оказался довольно слаб. «Играя в футбол, он был одержим идеей, что хороший игрок всегда находится там же, где мяч. Так он гонялся за мячом, и в результате через десять минут ему уже нужно было полежать», – с явной иронией рассказывал первому биографу Гавела Эде Крисовой Милош Форман⁶⁴. К этому же времени относится и знаменитая история с велосипедом. Каждый школьник должен был проехать вокруг статуи короля Иржи у входа в замок – около 50 метров. Гавел, как рассказывают, просто не смог остановиться и выкатился на дорогу, ведущую в сторону города Нимбурк. Сам он позже утверждал, что обладал чудовищным чувством равновесия и, скорее всего, просто упал бы. Но по легенде, среди распространителей которой был и Милош Форман, одному из учителей пришлось догонять Гавела на мотоцикле.

Зато вот что великий режиссер пишет в мемуарной книге «Круговорот»: «Среди моих подопечных находился пухлый мальчуган с умным личиком, который поразил меня своим послушанием и вежливостью. Я подумал, что ему не избежать участи “раба” в спальне, но <... > со временем я увидел, что его товарищи по комнате относятся к нему с дружеским уважением. Это был Вацлав Гавел, и в нем уже чувствовалась та внутренняя сила, которая позже помогла ему пережить первые годы тяжелого тюремного заключения, десятилетия надзора и преследований со стороны коммунистического правительства, а также и все сложности демократического президентства»⁶⁵.

Школьное прозвище Гавелу тоже придумал Форман. Милош увидел полноватого мальчика, идущего по двору в куртке и штанах из черной шерсти, и дал ему кличку Chrobák – Жук. «Даже сейчас в президентскую канцелярию иногда приходят письма от моих бывших скаутских товарищей, которые начинаются словами “Милый Жук”. А сотрудники службы несколько обеспокоены: что это значит, когда президента, Его Превосходительство, называют Жуком?» – рассказывал Гавел в большом радиоинтервью 1993 года⁶⁶.

⁶¹ <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1461545-masinove-stale-zustavaji-kontroverzni-dvojici-ceskych-modernich-dejin>.

⁶² https://zpravy.idnes.cz/ctirad-masin-komunisty-jsme-zabijet-chteli-na-co-bychom-meli-zbrane-1f4-/domaci.aspx?c=A110815_144259_domaci_js.

⁶³ <http://www.unitedfilm.cz/unitedvision/index.php/en/articles/item/509-ivan-passer-in-60-s-we-supported-each-other-success-of-one-paved-the-way-for-others>.

⁶⁴ Крисовая Э. Václav Havel: jediný autorizovaný životopis. Praha: Práh, 2014. С. 17 (далее – Крисова).

⁶⁵ Форман М. Круговорот. М.: Вагриус, 1999. С. 69 (далее – Форман).

⁶⁶ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/159600>.

Кстати, в том же разговоре на радио Гавела спросят, били ли его в детстве. Президент ответит, что родители его не били, а вот один из соучеников поколачивал. Этим соучеником был Ян Шкода. Через много лет он станет генеральным секретарем легальной при коммунистическом режиме Чехословацкой социалистической партии.

В Подебрадах у Гавела уже заметно чувство подросткового отчуждения от семьи и семейного дела. Когда один из учителей стал расспрашивать, чем занимаются его родители, Вацлав долго отмалчивался, а потом нехотя сказал, что у них «два ресторана». «Рестораны? Какие рестораны?» – допытывался профессор, пока ученик не выдал: «“Люцерна” и “Баррандов”...»

Перелом произошел в 1948 году, после коммунистического переворота. Подебрадский интернат покинули несколько неугодных власти педагогов, начались исключения детей из «неправильных» семей. В 1950 году большинство учащихся разъехались по домам, а лицей после коммунистической образовательной реформы стал обычной школой.

«Šestatřicátníci»

Онегин или Обломов?

Когда мальчики вернулись из Подебрад в Прагу, речь шла уже не столько о получении элитарного образования, сколько о том, смогут ли они получить образование вообще.

С точки зрения коммунистических идеологов, дети богатых родителей были обязаны искупить отцовские грехи и перековаться в настоящих граждан социалистического государства – разумеется, с помощью физического труда. Первоначально Вацлав должен был стать плотником, но родители всерьез опасались, что их нерасторопный сын просто убьется или покалечится; благодаря их хлопотам он смог получить должность лаборанта в Высшей школе химической технологии, как раз в начале 50-х ставшей самостоятельным вузом, отделившимся от ČVUT. Устроившись на работу, Гавел начал ходить в среднюю школу для работающей молодежи на Штепанской улице.

Вскоре одним из его товарищей становится Радим Копецкий, сын известного дипломата. В молодости Ярослав Копецкий был товарищем Вацлава Марии Гавела по студенческому движению, затем работал в Румынии и Югославии. Перед войной представлял Чехословакию в Лиге Наций и в начале оккупации демонстративно отказался сдавать свой пост. Во время войны координировал связь между чешским Сопротивлением и правительством Бенеша, после войны был назначен послом в Швейцарию, некоторое время работал в МИДе, но в 1948 году его дипломатическая служба, разумеется, оборвалась. В 1949 году семья Копецких пыталась перейти границу с Германией, но их поймали, и до 1960 года отец сидел в тюрьме. Его заставили дать ложные показания на двух крупнейших процессах тоталитарной эпохи: против Милады Гораковой и Рудольфа Сланского.

С дружбы Вацлава Гавела и Радима Копецкого начинается интереснейшая страница в жизни Вацлава и весьма своеобразная страница в истории чешской литературы – появляется кружок «Šestatřicátníci» («Шестатрицатники»). Это название, отсылающее к году рождения организаторов, придумал Копецкий. Речь никогда не шла о четко оформленном литературном движении или школе. Скорее это было вольное товарищество талантливых молодых людей, нуждавшихся в общении и самовыражении. Первоначально членами кружка стали ближайшие приятели Вацлава и Радима.

Через Копецкого Гавел завел эпистолярное знакомство с юным поэтом Иржи Паукертом. Когда-то Паукерт, сын офицера Генштаба, был соседом Копецкого и ходил с ним в одну гимназию, но к моменту переезда Гавела в Прагу он жил уже в Брно – его отца перевели туда на службу, разжаловав в солдаты. Так деятельность кружка разрослась на два города, втягивая и других жителей Брно, таких как Вера Лингартова или Виола Фишера.

Большое влияние на молодых людей оказал отец Виолы, профессор Йозеф Людвик Фишер, философ и социолог. Во время Первой республики он придерживался открыто левых взглядов, с 1924 по 1930 год даже состоял в коммунистической партии. Участвовал в работе «Левого фронта» – организации социалистически настроенных интеллигентов, членами которой были, например, журналист Юлиус Фучик и прозаик Владислав Ванчура. В 1938 году стал председателем брненского отделения Общества друзей демократической Испании.

После нацистской оккупации Фишер уехал в Нидерланды, где и жил до конца войны, очевидно, не привлекая к себе внимания. Жена профессора была вынуждена регулярно отмечаться в гестапо, а маленькая Виола придумала сама для себя сказку о том, что мама ходит в какое-то страшное место и только от молитв девочки зависит, вернется ли она домой. История детской травмы, чем-то напоминающая «Лабиринт фавна» Гильермо дель Торо.

После войны и в первые годы коммунистического режима Фишер делал уверенную академическую карьеру, в конце 40-х исполнял обязанности ректора университета Палацкого в Оломоуце. Однако в 1954 году он подверг публичной критике школьную реформу, и оказался в опале; в 1955-м был исключен из компартии (куда снова вступил в феврале 1948 года). Еще несколько лет преподавал в Оломоуце и Брно, но в 1960 году его вынудили уйти на пенсию. Либерализация середины 60-х позволила Йозефу Фишеру вернуться к работе; он публиковался в научных журналах и вновь преподавал в университете Палацкого, но в конце десятилетия снова и уже окончательно вышел на пенсию.

Личное знакомство с Иржи Паукертом состоялось дома у Гавела. Иржи потом вспоминал, что ожидал встретить кого-то вроде Евгения Онегина, а повстречал Обломова.

Творчество Паукерта (он писал стихи под псевдонимом Кубена) отличал причудливый сплав католической мистики и гомосексуальной эротики – сочетание явно сложное для понимания большинства тогдашних читателей и не слишком перспективное для литературной карьеры в социалистической стране. Сексуальная ориентация могла стоить Иржи и расположения друзей – он был влюблен в Ивана Гавела и летом 1954 года, когда шестатрицатники собрались в Гавлове, пытался добиться взаимности, что вызвало резкое отторжение у многих товарищей. Ситуацию удивительным образом сгладила Божена Гавлова: почти все, пишущие о «Шестатрицатниках», сходятся на том, что она очень тепло, ласково и покровительственно относилась к Кубене, а он с той же теплотой и почитанием – к ней. И практически все сходятся на том, что гомосексуальность Иржи напоминала пани Гавловой о девере Милоше.

Описать «Шестатрицатников» как литературную группу довольно трудно. Все ее участники преследовали разные цели и руководствовались разными мотивами. Так, для Радима Копецкого группа была скорее местом политических дебатов, для Гавела же на первом месте стояло искусство. При этом у кружка не было ни принципиальных эстетических установок, ни идеологических рамок. В первый год существования группы ее участником стал мальчик по имени Милан Калоус – страстный поклонник Гитлера, Муссолини и Франко. Вот этого ребята выдержать не смогли, и Калоус «Шестатрицатников» покинул. «Компромисс не был достигнут никогда, наоборот, все дебаты лишь утверждали в каждом его собственные убеждения», – констатировал Копецкий уже через год⁶⁷.

«Серебряный ветер»

Пражским шестатрицатникам нужно было где-то собираться. Заказывать пиво подростки не могли, поэтому со временем они обосновались в кофейне «Славия» – через дорогу от Национального театра, там, где Национальный проспект упирается во Влтаву.

Они стараются знакомиться с известными литераторами, что им, кстати, удается. Навещают Витезслава Незвала и будущего нобелевского лауреата Ярослава Сейферта, знакомятся с вдовой Карела Чапека, актрисой и писательницей Ольгой Шайнпфлюговой. Гавел посещает полуопального классика чешской поэзии Владимира Голана. «Только Сейферт, Голан и Незвал идут собственным путем», – пишет Гавел в это время Иржи Паукерту⁶⁸.

Шестатрицатники вдруг обнаруживают, что богемная жизнь Праги протекает гораздо ближе, чем они думали. Когда Гавел пришел к поэту Иржи Коларжу, он вдруг узнал в хозяине человека, который часто сидел рядом в кофейне «Славия». За столом Коларжа в «Славии» он познакомился со своим будущим другом Зденеком Урбанеком – писателем, который перевел на чешский огромное количество англоязычной классики от Шекспира до Джойса. Приятелем шестатрицатников становится молодой, всего на год старше Гавела, но уже идущий в гору

⁶⁷ <https://casopis.hostbrno.cz/archiv/2005/8-2005/sestatricatnici>.

⁶⁸ Кайзер. С. 34.

драматург Йозеф Тополь – его первая пьеса вышла на сцену в 1955 году, когда Тополь еще был студентом.

Группа выпускает журнал «Диалоги 36» (за два года вышло пять номеров, дизайн обложки создала Божена Гавлова) и альманах «Серебряный ветер» (название взято из романа чешского писателя-анархиста Франи Шрамека).

В 1953 году Гавел серьезно увлекается Маяковским и даже признается, что благодаря Маяковскому мог бы стать коммунистом. В то же время семнадцатилетнего юношу явно воротит от официальной пропаганды того времени. В марте, после смерти Сталина он напишет у себя в школьной тетради совершенно издевательский текст: «Отче наш, иже еси в Кремле, да святится имя твое, да будет воля твоя, яко в Советском Союзе, и во всем мире, за хлеб наш насущный тебя благодарим. Охраняй святость марксистской идеологии, как и мы следим за своими ближними и находим злодеев и классовых врагов»⁶⁹.

В 1953 или 1954 году Гавела якобы впервые приглашают для неофициальной беседы в StB (Státní bezpečnost – государственная безопасность). Никаких записей об этом в архивах службы не нашлось, да и серьезных намерений в отношении Вацлава у сотрудников явно еще не было – юный литератор вспоминал, что следователь с усмешкой спросил у него, лирику или эпос он пишет⁷⁰.

Первые итоги существования «Шестатржицатников» Гавел подведет в эссе 1953 года с названием «После года скульпторской работы»:

Есть скульпторы, которые никогда не заканчивают свои произведения. Их скульптуры никогда не кажутся им полностью готовыми, совершенными <...> Похоже дело обстоит и с человеческой душой. Человек неустанно совершенствуется, постоянно прибавляет, меняет и формирует свои взгляды, свои убеждения, до самой смерти. <...>

По своему замыслу Шестатржицатники были прежде всего состязанием, но состязанием добрых друзей, и его цель – не какой-то манифест или принятая общим голосованием резолюция, а создание как можно большего числа скульптур, чтобы через дискуссию, познание, сравнение просеивалось наше личное мнение.⁷¹

Остановимся еще на двух важных текстах 1953 года. В эссе «Гамлетовский вопрос» Гавел рассуждает о самоубийстве и свободе воли. Он приходит к мысли, что само наличие сознания и свободы воли подталкивает человека к осознанию себя как части природы. В таком случае самоубийство становится отрицанием человеческой природы, природы как таковой и Бога: «Природа (бог) в нас, а мы в ней. А еще она каждому из нас напоминает, что его любовь к жизни, жизненная сила и вера в собственный труд – лишь малая рыбка на реке точно такой же веры всего человечества»⁷².

В эссе «Пустота» Гавел высмеивает подражания модному у молодежи французскому экзистенциализму:

Слабые поэты всегда отстают на 30 лет от своего времени. В 1920 году они писали как Сватоплук Чех, в 1945-м как Андре Бретон, и если теперь они пишут как Альбер Камю, то копируют вещи всего лишь пятнадцатилетней давности. И к тому же просто копируют, не осознавая, что экзистенциализм –

⁶⁹ Кайзер. С. 40.

⁷⁰ Кайзер. С. 61.

⁷¹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156766>.

⁷² <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156763>.

это великое проникновение в тайну жизни и царство зла и уродства. Обычно это бывает так.

Ничего. Я. Иду. Тьма. Мне кажется, что мир не имеет смысла. Мной овладевает страшная тревога. Мне усмехается проститутка с сифилитическим носом. Все мужчины – гомосексуалисты. Все женщины – лесбиянки. Проще говоря, весь мир это навоз и моча. И в этом месте автор-экзистенциалист обычно на сегодня заканчивает, потому что его зовет мама:

– Франтик, булочки на столе! А ты хотел идти на футбол!

И наш экзистенциалист с булочкой в руке бежит со всех ног на футбольное поле и насвистывает. И, быстро сбрасывая одежду на зеленую траву, он уже обычно забывает, что он вообще экзистенциалист, а мир и жизнь – это всего лишь канализация с людскими нечистотами.⁷³

Несложно заметить, что в «Пустоте» Вацлав высмеивает, может быть неосознанно, и самого себя – начитанного подростка, который успешно сочетает и булочки от мамы, и довольно наивные рассуждения на философские темы, и первые юношеские попойки. Друг Гавела, актер Ян Тржиска, вспоминает, как в середине 50-х несколько раз приходил к Вацлаву в дом на набережной (к тому времени уже не Рашина, а Энгельса) и молодые люди хлестали дешевое подслащенное вино, бросая бутылки за окно.

Не обошлось и без создания собственной философской системы: оптимализма, или гуманистического оптимализма. «Я диалектик и вижу путь в слиянии двух крайностей – монополистического капитализма и марксистского коммунизма – и создании нового социализма, который бы сочетал хорошие стороны их обоих. И должен сказать, что такой порядок уже понемногу рождается в США», – писал Гавел Радиму Копецкому⁷⁴. К тому времени внутри кружка родилось еще несколько философских теорий, от «эволюционного детерминизма» до просто «измизма».

«По возрасту шестатржицатники были просто компанией тинейджеров. Конечно, речь шла о компании достаточно исключительной – компании тинейджеров с литературными, политическими и философскими амбициями, которые целенаправленно расходились с литературными, политическими и философскими течениями своей эпохи, самых темных сталинских лет. Речь шла о компании тинейджеров, из которых хотя бы некоторые <...> вступили, каждый сам по себе, в чешскую или даже мировую культурную историю. Тем не менее тексты, которые создавались в “золотой век” шестатржицатников, были все же текстами тинейджеров, и именно так их нужно воспринимать», – пишет Мартин Путна в своей книге «Вацлав Гавел: духовный портрет в раме чешской культуры»⁷⁵.

Павел Косатик, написавший о «Шестатржицатниках» большую книгу, считает, что политическая ситуация в стране предопределила странное положение этих ребят. В своих культурных поисках и запросах они пытались не дистанцироваться от поколения своих отцов, что было бы вполне логичным. Нет, члены кружка пытались восстановить порванную связь с ушедшей эпохой. «Мы были своего рода первым поколением, лояльным к своим отцам, в данном случае – к поколению Первой республики. Мы хотели за кем-то следовать, но за коммунистами следовать не могли и потому логично обратились к своим родителям и авторитетам их эпохи», – согласен Иржи Кубена⁷⁶.

⁷³ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156764>.

⁷⁴ Кайзер. С. 38.

⁷⁵ Putna M. Václav Havel. Duchovní portrét v rámu české kultury 20. století. Praha: Knihovna Václava Havla, 2011. С. 75 (далее – Путна).

⁷⁶ https://www.lidovky.cz/havel-byl-opravidovy-pontifex-stavitel-mostu-rikal-zesnuly-kubena-105-/lide.aspx?c=A170810_135852_lide_ele&recommendationId=00000000-0000-5000-8000-000000000000.

«Сомнения в программе»

В 1956 году Иржи Коларж выпускает альманах, в котором Гавел и Паукерт участвуют вместе с будущими признанными классиками чешской литературы: Йозефом Шкворецким и Богумилом Грабалом. (Последний известен не только русскому читателю, но и русскому зрителю. Сразу несколько его книг были экранизированы режиссером Иржи Менцелем. За фильм по повести «Поезда под пристальным наблюдением» Менцель получил в 1967 году премию «Оскар».)

Осенью 1957 года Гавел пишет «Инструкцию для выживших». Надо сказать, что содержание этого текста не так драматично, как предполагает его пафосное название, зато биографы находят в нем большой список авторов, которые наиболее важны для двадцатилетнего Вацлава. Этот список довольно эклектичен, там есть место Эдгару По и Бодлеру, Луи-Фердинанду Селину и Синклеру Льюису, Толстому и Ахматовой.

В 1956 году Гавел получает возможность выступить в журнале «Květen» (по-русски – «Май») с критической статьей «Сомнения в программе» – очень важной для понимания взглядов юного литератора, хотя ее содержание теперь трудно отделить от творческого контекста эпохи.

Журнал «Кветень» появился на свет в 1955 году, и вокруг него объединились молодые литераторы, заявившие о приверженности «поэзии повседневности». Где-то на периферии этой группы находились весьма известные в будущем прозаики: Людвик Вацулик (не только писатель, но и выдающийся публицист, чьи тексты сыграли огромную интеллектуальную роль в будущих политических событиях) и Ладислав Фукс (автор фантазмагорической антиутопии «Мыши госпожи Моосгабр», доступной и на русском языке). А лидеры группы сами пригласили литературное сообщество к обсуждению своих программных заявлений.

Гавел пишет, что поэты «Кветня» как раз не предлагают последовательную программу, а кроме того, не могут говорить от имени всего молодого поколения: «Право на существование имеет и другое понимание задач молодой литературы <...> всегда, когда какая-то художественная программа ненароком выдавала себя за единственно возможную программу поколения, это приносило литературе вред». Гавел заявляет, что группа уклоняется от критического обсуждения методов социалистического реализма; указывает, что «Кветень» игнорирует наиболее свежие тенденции в чешской поэзии и вместе с тем боится говорить об опальных и неудобных авторах⁷⁷.

Публикация в «Кветне» принесла любопытные плоды. Прежде всего, за статью Гавел получил первый в своей жизни литературный гонорар, и ему пришлось сдержать данное когда-то обещание: пропить его. А кроме гонорара Гавел получил приглашение на конференцию молодых писателей, которая проходила в ноябре 1956 года в Добржишском замке.

Добржиш – небольшой городок в Среднечешском крае. Маленький барочный замок после Второй мировой войны достался Союзу чехословацких писателей, став своего рода рабочим пансионатом. Его посещали Фадеев и Эренбург, Поль Элюар и Луи Арагон, Пабло Неруда и Жоржи Амаду. Три десятилетия спустя в книге «Заочный допрос» Гавел вспоминал:

Мое выступление в какой-то мере оказало влияние на ход той конференции – все дискуссии в зале и в кулуарах так или иначе касались тем, о которых говорил я в своем выступлении. Это была довольно гротескная ситуация: хотя там сидело много известных авторов, имеющих на своем счету не одну изданную книгу, много редакторов и публицистов, в основном, естественно, членов партии и Союза писателей, тон разговору был задан

⁷⁷ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156775>.

совершенно неизвестным лицом <...> затесавшимся туда бог знает как <...> В этой растерянности отражалось что-то от общей растерянности того времени: сталинский режим пал, в Венгрии истекала кровью революция, в Польше садился на трон чуть ли не из тюрьмы привезенный Гомулка.⁷⁸

Текст речи Гавела первоначально планировали напечатать. Когда Вацлав дал матери прочесть свое письмо Кубене, она оставила возле упоминания об этом пометку «думаю, что они этого в конце концов не сделают» – и оказалась абсолютно права. При этом текст не только не дождался официальной публикации в социалистической прессе, но и не был выпущен ни в самиздате, ни после 1989 года и, к сожалению, давно утрачен.

Частичное представление об эстетических воззрениях Гавела дает статья «Поэт нашего времени», вышедшая в декабрьском номере «Кветня». Не сказать, что в ней можно найти прямые политические выпады, но определенный политический подтекст там все же есть:

Был повержен культ исключительного человека как воображаемого гениального учителя народов, воображаемого ударника, выполняющего план на 1500%, или же воображаемого целеустремленного и безупречного человека завтрашнего дня с бесчисленных высокопарных плакатов. Понемногу, но уверенно исчезает и культ человека искусства – многократного лауреата высочайших премий, специального украшения парламента и первомайских трибун, придворного поэта или автора огромных полотен <...> И мы ощущаем потребность думать в первую очередь о простом герое наших дней, похожем на тысячи других, не боже и не святом, а обычном человеке, полном обычных человеческих проблем, человеческих недостатков и достоинств, простом повседневном человеке, проживающем большие и маленькие события своей жизни, счастливом и несчастном, хорошем и плохом, радостном и грустном.⁷⁹

Конечно, в этом тексте мы еще не видим будущего диссидента Гавела. Пока это лишь молодой литератор, осторожно нащупывающий границы дозволенного в официальной коммунистической прессе.

Тем временем редакция «Кветня» предложила Гавелу самостоятельно подобрать материалы для значительной части одного из зимних номеров 1957 года. Вацлав воспринял это как шанс для продвижения литературных трудов «Шестатржицатников» и свою работу выполнил, однако собранные им тексты были отвергнуты как слабые. Можно усмотреть в этом решении руководства журнала месть за резкие суждения Гавела. С другой стороны, стоит помнить, что редакция вполне могла не публиковать и «Сомнения в программе».

Сколько именно просуществовали «Шестатржицатники»? Вопрос, который не имеет окончательного ответа. Уже за первые несколько лет своего существования они проделали путь от дружеского кружка старшеклассников к группе еще юных, но все-таки взрослых людей, каждый из которых уже искал собственный путь к славе.

Иржи Кубена закончит философский факультет Масарикова университета, будет заниматься археологией и историей искусства, почти полвека проработает в службе охраны памятников культуры и выпустит несколько стихотворных сборников. Поэтическое признание обретет довольно поздно. Виола Фишера в 1968 году уедет за границу, будет работать на радио «Свободная Европа»; уже в 90-х сможет раскрыться как поэтесса. Вера Лингартова станет искусствоведом и будет устраивать выставки, которые принесут ей славу великолепного куратора, но в конце концов испортят отношения с коммунистическим начальством. В конце 60-

⁷⁸ Гавел В. Заочный допрос: Разговор с К. Гвиждялой. М.: Новости, 1991. С. 39 (далее – Заочный допрос).

⁷⁹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156773>.

х годов Вера тоже эмигрирует и избрет в литературе путь Милана Кундеры – спустя десятилетие после отъезда перейдет в своем творчестве на французский язык.

Кто-то прослеживает общий путь «Шестатржицатников» едва ли не до конца 60-х годов. Но нам кажется более логичным поставить точку на целое десятилетие раньше. Тем более что наш герой уходит в армию!

Военная служба. Театральный дебют

В армию – даже без ноги!

Как уже говорилось, после смерти Сталина и Готвальда политические репрессии старшему поколению Гавелов не грозили. И Вацлав Мария, и его жена так или иначе приспособились к новой жизни. Их дети в ту пору совершенно не чувствовали себя бунтарями или антикоммунистами. Но было как минимум одно обстоятельство, которое и во второй половине 50-х все еще преследовало Вацлава и Ивана, – стремление власти отгородить таких, как они, от хорошего образования.

Иван Гавел, окончив вечернюю гимназию на одни единицы, смог поступить в ČVUT только в 60-х и окончил электротехнический факультет в двадцать восемь лет. Вацлав, который работал в химической лаборатории, сначала предпринял довольно очевидный шаг – попробовал поступить на химический факультет, но тщетно. Успешно сдав в 1954 году все экзамены, он не получил рекомендацию от министерства образования. Правда, годом позже он смог прорваться в тот же самый ČVUT, но здесь возникла загвоздка уже личного плана – экономика транспорта, которую Вацлав там изучал, совершенно его не интересовала. Молодой человек мечтал о поступлении в FAMU – факультет кино и телевидения Академии музыкального искусства в Праге (Akademie múzických umění, AMU).

Современное кино уже давно играло большую роль в эстетическом мышлении Гавела. Он очень ценил итальянский неореализм и в письме Иржи Кубене с восторгом отзывался о фильме «Рим в 11 часов». А в начале 80-х он написал:

Я пишу с шести лет, то есть с того времени, как меня научили буквам, тем не менее писание как таковое, само по себе я никогда не ощущал (в отличие от многих других писателей) как навязчивую и прямо физическую потребность, без занятия которой просто не смог бы жить <...> Если бы в молодости я имел свободный выбор образования, то кто знает, не стал бы я скорее кинорежиссером, чем писателем. Моя жажда сочинять, творить и рассказывать тем самым что-то о мире и о себе, возможно, нашла бы в кинорежиссуре более удобный путь». ⁸⁰

FAMU был еще совсем молодым факультетом, его создали только в 1946 году. Одним из главных основателей стал Отакар Вавра – режиссер, до войны и во время нее много снимавший у Милоша Гавела. Выпускниками факультета становились в разные годы признанные величины чехословацкого кино: Вера Хитилова и Юрай Якубиско, Войтех Ясный и Павел Юрачек, Иржи Менцель и Ян Немец. Учились в FAMU и будущие классики кино из других социалистических стран, например Агнешка Холланд и Эмир Кустурица. Еще один известный выпускник FAMU и его почетный доктор Милош Форман писал в своих мемуарах:

Мы становились личностями под руководством лучших чешских деятелей искусства. У многих из них – сценаристов, режиссеров и людей других кинопрофессий – вряд ли нашлось бы время для преподавательской работы, но коммунистические чистки прервали их карьеру, и у них не было другой возможности заработать на жизнь. Оглядываясь на мои студенческие годы, я могу сказать, что самое главное, что они дали мне, да и моим

⁸⁰ Havel V. Dopisy Olze. Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1985. С. 144 (далее – Письма Ольге).

учителям, – это возможность выстоять против страшной бури сталинизма, разрушавшей и губившей всех и вся в нашей стране.⁸¹

Почувшись два года экономике транспорта, Гавел попытался-таки пойти путем старшего лицейского товарища, но поступить не смог – считается, что преградой стали вовсе не экзамены, а личное дело. И здесь главным «грехом» Вацлава был скорее не отец-девелопер, а дядя-продюсер. Похоже, даже оттепель не могла позволить социалистической бюрократии пустить в кинематограф человека по фамилии Гавел. Не помогло и участие в приемной комиссии молодого писателя Милана Кундеры, которого Гавел уже немного знал по посиделкам в «Славии».

После ухода из университета Вацлав Гавел столкнулся с угрозой военного призыва. Служить он не очень хотел, даже пытался симулировать перед комиссией «депрессивную психопатию», чего, как пишет Жантовский, в нормальных условиях вполне хватило бы для «синей книжки» – аналога советского белого билета. «Но его актерские упражнения на комиссию впечатления не произвели. Армейский политрук якобы заявил, что “Гавел пошел бы в армию, даже если бы у него не было ноги”»⁸².

Некоторое время Гавел вынашивал другую идею – отправиться на учебу в СССР. В переписке с друзьями сохранились его рассуждения об этой затее: предположение, что к иностранным студентам в Союзе не столь требовательны; желание выучить в совершенстве русский язык и основательно взяться за русскую литературу; мечта повстречаться с Борисом Пастернаком и Анной Ахматовой. Но так или иначе воплощения эти замыслы не получили.

В октябре 1957 года Гавел отправляется служить в саперный полк, дислоцированный на юге Чехии, в нескольких десятках километров от Чешских Будеевиц. Начитанный призывник, конечно же, смог найти для своего рода войск хорошую литературную аналогию и в письме домой сравнил себя с Робертом Джорданом, главным героем романа «По ком звонит колокол».

Образцовый солдат из Гавела не вышел, но именно в армии он находит свое призвание на многие годы вперед – театр. Так, он скоро знакомится с парнем по имени Карел Брында: уже в декабре они оба оказываются в лазарете. «Он остановился у моей кровати и, когда увидел, что я читаю, начал громко смеяться. Я читал роман Чернышевского “Что делать?”. Он с громким смехом сказал: “Очень симптоматичное чтение для армии”», – вспоминал потом Брында⁸³.

Подружившись, Гавел и Брында начали обдумывать, как сделать два года службы более льготными, и подходящим решением показалась армейская самодеятельность. С разрешения начальства они сколотили любительский театр, которым и стали заправлять. Первой большой работой начинающих постановщиков был спектакль по пьесе Павла Когоута «Сентябрьские ночи».

Павел Когоут – выдающийся писатель. На русский язык переведен его потрясающий роман «Палачка», который стоит прочитать всем, кто интересуется чешской культурой и вообще хорошей литературой: это настоящий шедевр. Летом 1967 года Когоут демонстративно прочтет на писательском съезде открытое письмо Солженицына и станет убежденным энтузиастом Пражской весны, а потом диссидентом. Именно Когоут придумал название «Хартия-77», а с Гавелом его связывает много биографических ниточек: с бывшей женой Когоута Гавел изменял своей жене; Когоут, уже будучи в эмиграции, задействовал все свои связи, когда узнал, что Гавел находится в тюремной больнице в очень тяжелом состоянии и может умереть. Но в конце 50-х это еще молодой официальный автор, член ЦК Союза писателей и ЦК Чехословац-

⁸¹ Форман. С. 93.

⁸² Жантовский. С. 55.

⁸³

https://jihlava.idnes.cz/havla-k-divadlu-privedl-kamarad-z-vojny-karel-brynda-fyf-/jihlava-zpravy.aspx?c=A111220_1703957_jihlava-zpravy_dmk.

кого союза молодежи. «Сентябрьские ночи» для него – как раз начало перехода от безоговорочной поддержки режима к мягкой критике его отдельных сторон.

Сюжет пьесы таков. Руководитель учебного лагеря майор Цибулка отказывается отправить в отпуск молодого лейтенанта Забрану, у которого со дня на день должна родить жена. Лейтенант решает нарушить приказ и покидает лагерь, чтобы навестить жену в роддоме, но его выдает командиру однокурсник по военному училищу. Цибулка планирует отправить Забрану под трибунал, но в дело вмешивается своего рода бог из машины – наблюдающий за учениями мудрый полковник Сова.

Незадолго до постановки Гавела и Брынды пьесу экранизировал Войтех Ясный (режиссер, который за детскую комедию «И придет кот» получил специальный приз в Каннах, в 70-х эмигрировал, а уже в 90-х снял документальный фильм «Почему Гавел?»). Фильм встретил определенные трудности с цензурой – после премьеры на фестивале в 1959 году его на три года положили на полку за «негативизм» и «искаженный взгляд на социалистическую реальность». Интересно, что после первой постановки в Центральном театре Чехословацкой армии (нынешний Театр на Виноградах, место многолетней актерской службы второй жены Вацлава Гавела) пьеса тоже была на некоторое время снята с репертуара – спектакль не понравился министру обороны, зятю Готвальда Алексею Чепичке. Правда, уже в 1956 году политическая карьера Чепички стремительно покатилась вниз, в конце концов его выгнали из партии и отобрали орден имени собственного тестя – бывший министр еще много лет прожил в полной изоляции, страдая психическими расстройствами. Пьеса же вернулась на сцену.

Солдатская труппа под управлением Брынды и Гавела трений с цензурой, к счастью, не имела и добилась с «Сентябрьскими ночами» большого успеха – победила на армейском конкурсе. Сам Гавел комментировал это древнеримской поговоркой об одноглазом короле среди слепцов, но все равно был доволен, тем более что он получил трехдневную увольнительную. Занимательный факт: именно в этот приезд в Прагу он ходил на представление Аркадия Райкина, но зрелищем остался весьма недоволен, назвав его «азиатской безвкусицей».

Успех инсценировки был так велик, что сослуживцы взялись за собственную пьесу, получившую название «Жизнь впереди» («Život před sebou»). В основе пьесы, которая, разумеется, тоже основана на армейской жизни, лежит моральная дилемма бойца Маршика, заснувшего в патруле, когда в часть пробрался злоумышленник. Его обезвредил другой солдат, однако, чтобы не навлекать гнев начальства, заслуга приписывается Маршику; тот становится героем и даже кандидатом в члены коммунистической партии, но в итоге сдается под натиском собственной совести.

«Жизнь впереди» имела невероятный успех на армейских конкурсах: окружной в Таборе, краевой в Чешских Будейовицах, намечался уже национальный смотр в Марьянских Лазнях. Похвальная рецензия вышла в армейской газете «Obrana lidu». И тут за дело взялось дремавшее до той поры политическое управление армии. Судя по всему, там разобрались с классовым происхождением Вацлава Гавела, и «Жизнь впереди» была срочно снята с программы, хотя и показана вне конкурса.

Спустя много лет пьеса обрела жизнь на сцене – в начале девяностых ее поставил пражский театр «Sklep». Однако новая политическая реальность принципиально поменяла контекст: то, что в конце 50-х звучало из уст действующих лиц серьезно, стало смешным. Спектакль «Склепа» был заведомой пародией. А близкий друг Вацлава Гавела, режиссер Андрей Кроб говорил автору этой книги, что «Жизнь впереди», хотя и считается проходной пьесой, уже несет в себе все черты будущего Гавела-драматурга⁸⁴.

Даниэль Кайзер приводит ко всей этой истории забавное послесловие. Офицер, который курировал тогда в Чехословакии всю армейскую самодеятельность, вскоре вышел на пенсию, в

⁸⁴ Разговор с Андреем Кробом, апрель 2018 года.

60-х годах стал заядлым пражским театралом, с удовольствием посещал спектакли по Гавелу и при случае извинился перед молодым драматургом⁸⁵.

Кибернетика и театр

Еще во время службы Гавел подал документы на театральный факультет (DAMU). Сложилась парадоксальная ситуация: абитуриент уже имел на своем счету пьесу, побеждавшую на больших конкурсах самодеятельности; рекомендации ему дали Йозеф Тополь и Ян Гроссман (набирающий популярность молодой режиссер, с которым Гавел потом будет работать в одном театре); во время приемных экзаменов он вошел в пятерку лучших из ста поступающих, но его не приняли! Похоже, парадный вход в мир кино и театра был ему просто заказан.

Гавел пошел через черный. Друг семьи Ян Верих (мы помним его совместное с Незвалом заступничество за дядю Милоша) устроил Вацлава рабочим сцены в театр «АВС». Одновременно у Вацлава появилась возможность попробовать себя в качестве ассистента режиссера в группе так называемых «Пражских городских театров», причем под началом самого Альфреда Радока.

В 1958 году Радок, уже тогда известный театральный и телевизионный режиссер, взялся за создание шоу, которое представило бы чехословацкую делегацию на Всемирной выставке в Брюсселе. Так возник «Laterna Magica» – один из первых мультимедийных театров мира, где живое действие совмещалось с кинопроекцией. Шоу, одним из соавторов которого стал, кстати, и молодой Милош Форман, произвело фурор, «Laterna Magica» получил десятки приглашений на гастроли, а после возвращения в Прагу стал отдельной труппой Национального театра. Занятно при этом, что автор шоу не продержался в кресле художественного руководителя и двух лет.

Под руководством мэтра Гавел работал над постановкой «Шведской спички» Чехова – Радок был ценителем русской литературы, а его спектакль по гоголевской «Женитьбе» считается классикой чешского театра.

50-е годы знаменуются появлением особого феномена в пражской культурной жизни – целой россыпи небольших и относительно независимых театров, где привычные драматические спектакли могли чередоваться с музыкальными или цирковыми форматами, а молодые режиссеры получали возможность экспериментировать. Так, в 1959 году Иржи Сухий и Иржи Шлитр основали театр «Semafor» – название является акронимом словосочетания «семь малых форм», под которыми имелись в виду «кино, поэзия, джаз, кукольный театр, танец, изобразительное искусство и музыкальная комедия».

Гавел пишет критические и теоретические статьи, которые попадают в журналы. Его интересуют самые разные аспекты театрального искусства – чего стоит одно только название эссе «Кибернетика и театр». Вскоре Гавела приглашают на круглый стол, посвященный современному театру. Там он знакомится с Иваном Выскочилом.

Выскочил входит в число крупнейших величин в театральной истории Чехии. Будучи одним из отцов движения малых театров, Выскочил вместе с Иржи Сухим создал на чешских подмостках жанр text-appeal – что-то вроде литературного кабаре, где действие состоит из песен, коротких рассказов и небольших сценок. Их первые text-appeal'ы появились в 1957 году на сцене театра «Reduta», в наши дни больше известного как джазовый клуб. Без малого сорок лет спустя Гавел приведет в клуб Билла Клинтона, и американский президент сыграет там на саксофоне.

Выскочил пригласил Гавела в недавно основанный театр «Na zbradli» (в переводе на русский – «На балюстраде» или «На перилах»). Театр имел несколько разных отделений, и

⁸⁵ Кайзер. С. 47.

собственно драматическое долго оставалось в тени. Настоящий взлет драматической сцены театра «Na zbradli» начинается с приходом на должность художественного руководителя Яна Гроссмана. Гроссман пробудет на этом посту с 1961 по 1968 год, и время его работы теперь признается одной из ярчайших страниц в истории чешского театра.

Вацлав Гавел, как мы помним, официально трудился рабочим сцены. В действительности же, как это часто бывает в небольших театрах, ничья работа не ограничивалась официальными обязанностями. Уже очень скоро Гавел получил возможность выступить как драматург – он стал соавтором Выскочила в пьесе «Автостоп», а вместе с Милошем Мацоурексом написал сценарий для музыкального спектакля «Nejlepší roky paní Hermanové» (это каламбур – название можно понять и как «Лучшие годы», и как «Лучшие роки»). Мацоурекс позже стал известным киносценаристом, много работал вместе с режиссером Ольдржихом Липским, снявшим пародийный вестерн «Лимонадный Джо», и написал сценарий для сказочного телесериала «Арабелла». Русские зрители, кроме того, прекрасно знают созданный по сказке Мацоурека мультфильм про льва Бонифация. Гавел, впрочем, к их общей работе всегда относился без лишнего трепета и сценарий для музыкального спектакля в свое литературное наследие не включал.

Уже в «Автостопе» Гавел показывает себя приверженцем абсурдного театра. Героини его текста, Эла и Гела, стоят на обочине, пытаясь поймать попутный автомобиль, и занимаются самовосхвалением, превознося собственные этические принципы, гражданскую позицию и хорошее образование. Однако этот не очень уместный диалог в скором времени перетекает в перебранку, и собеседницы начинают припоминать друг другу любовные увлечения прошлых лет. В разгар этой разборки на сцене появляется шофер, который сообщает героиням, что вообще-то остановился не из-за них, да и вряд ли они кого-то остановят, потому что даже не голосуют. Эла и Гела надменно отвечают, что их этические принципы и гражданская позиция не позволяют им голосовать на дороге. Начинается новый приступ самовосхваления, в котором, однако, упоминания этических принципов, семейных традиций и хороших привычек все чаще прерываются именами бывших любовников и совершенно хаотичным набором слов. Темп и эмоциональность диалога нарастают, и героини даже не замечают, что случайный водитель уже уехал.

Черты абсурдного театра вполне очевидны и в первой самостоятельной работе Вацлава Гавела – одноактной пьесе 1960 года «Семейный вечер» («Rodinný večer»).

Семейная чета Покорных (обоим по пятьдесят) приходит в гости к бабушке – матери жены. Та раскладывает пасьянс и жалуется на смерть попугая Феликса. Затем появляются дочка Покорных Алена и ее муж Иван. Они обсуждают отпуск – Алена хочет ехать на Черное море в Болгарию, а Иван предпочел бы отправиться в автомобильную поездку по Словакии. Начинается докучный и никому не нужный семейный разговор, который Гавел доводит в конце концов до полного абсурда.

Ключевым приемом драматурга, как и во многих его будущих пьесах того времени, становятся постоянные повторы реплик, их перенос из уст одного персонажа в уста другого. Гавел играет со словами героев как с кубиками, раз за разом выстраивая их в произвольном или скорее понятном только ему порядке.

Герои пьесы ведут совершенно схематичный разговор, не замечая, что бабушка уснула, забыв о том, что в клетке с самого начала действия лежит мертвый попугай, и уже не очень обращая внимания друг на друга. Потом засыпает Алена, спустя какое-то время засыпает Иван, а под конец действия засыпают и Покорные. Из-за кулис выходят рабочие сцены и уносят все декорации вместе со спящими героями; перед зрителями остается клетка с мертвым попугаем, которая стоит у открытого окна. На поклон, по замыслу Гавела, выходят только рабочие сцены, и один из них в завершение всего выбрасывает в окно тушку попугая Феликса.

Наконец, в 1963 году театр «Na zbradli» принимает к постановке пьесу Вацлава Гавела «Праздник в саду». Начинается большая карьера Гавела-драматурга, о которой чуть позже – пора сделать небольшое отступление и ввести в эту книгу одну из ее главных героинь.

Ольга

Шплихалко из Жижкова

Вацлав и Ольга Гавелы провели вместе почти сорок лет, из них больше тридцати были супругами. «Влияние, которое Ольга оказывала на Гавела (а он на нее) было настолько мощным, что тяжело представить, как бы он мог стать тем, кем был, без нее», – решительно заявляет Михаэль Жантовский⁸⁶.

Еще работая в химической лаборатории, Гавел пытался завести роман со своей коллегой, девушкой по имени Здена. Она ответных чувств к юному лаборанту не испытывала, но относилась к нему вполне доброжелательно. Именно Здена привела в «Славию» двух своих подруг с актерских курсов. Одну из подруг звали Ольга Шплихалова. Кстати, Милош Форман тоже познакомился с первой женой в «Славии» – поистине судьбоносное место.

Если Гавелы происходили из высших слоев пражского общества, то семья Ольги была исключительно пролетарской: ее отец работал конским мясником. Обитали Шплихалы в Жижкове – теперешнее почти хипстерское место со множеством кофеен и богемных магазинов тогда было сугубо рабочим районом. На улице Хельчицкого, где Шплихалы одно время жили, находился кабак для угольщиков и трубочистов – там начинали наливать спиртное в шесть утра, раньше, чем во всех остальных местах. В отличие от Гавела Ольга была в Праге в мае 1945 года и вместе с остальными встречала советских солдат. Те раздавали мыло и дарили детям американский шоколад, но Павел Косатик пишет, что мать Ольги они изнасиловали⁸⁷.

Ольга была скаутом и еще в 90-х годах говорила, что руководствуется скаутскими правилами в жизни. Большую роль в жизни маленькой Ольги сыграл *Milíčův dům* – своего рода центр дополнительного образования, который создал в Жижкове в 1933 году писатель и педагог Пржемысл Питтер, озабоченный сложным социальным положением в этом районе Праги. Название центр получил в честь Яна Милича из Кромержижа, чешского средневекового проповедника и предшественника Яна Гуса.

В доме были мастерские, библиотека, спортивный и музыкальный залы, сад с игровой площадкой. Здесь под присмотром педагогов дети делали уроки, посещали кружки по интересам, работали в саду и мастерских, занимались спортом. Уже в 1934 году дом принял детей немецких политических беженцев, покинувших Германию после прихода к власти нацистов, а во время войны стал местом тайной поддержки евреев. Сразу после революции деятельность дома остановилась, а в 1949 году он был закрыт навсегда. Питтеру пришлось покинуть страну; он жил в Германии, а потом в Швейцарии. В 1964 году институт Яд Вашем причислил его к праведникам мира.

Родители Ольги, как и многие люди из рабочей среды, искренне поддерживали коммунистов. Мать Ольги вступила в компартию в 1945 году. Сама же Ольга, напротив, никогда не состояла в Чехословацком союзе молодежи, членом которого был даже «буржуазный сынок» Вацлав, и фрондерскими взглядами обзавелась уже в ранней юности: когда в новостях сообщили о целом поезде подарков, отправленном из Чехословакии Сталину, Ольга заявила, что Сталин похож на восточного деспота, и мать потом долго с ней не разговаривала.

Семья не была религиозной. По анекдотическому семейному преданию, мать посетила церковь только однажды – в 1969 году, чтобы помолиться за победу хоккейной сборной над командой СССР. Как известно, молитвы ее были услышаны. Ольгу тоже нельзя считать прак-

⁸⁶ Жантовский. С. 60.

⁸⁷ Kosatik P. «Člověk má dělat to, nač má sílu». Život Olgy Havlové. Praha: Mladá fronta, 2008. С. 22.

тикующей христианкой, хотя в одном из интервью она скажет: «Нет необходимости придумывать другие моральные основы, если все еще действуют десять заповедей, на которые опирались поколения перед нами»⁸⁸. Равнодушное отношение к религии сказалось и на семейных отношениях Шплихалов. Официально родители развелись, когда Ольге было шесть лет, но продолжали жить вместе, и годом позже у них родился еще один ребенок. В будущем у Ольги Шплихаловой-Гавловой не будет собственных детей, но материнские заботы она узнала еще подростком. У ее сестры Ярославы (она старше Ольги на тринадцать лет) было пятеро детей, с которыми Ольга, конечно же, постоянно возилась. Ближе всех ей стала племянница Ольга, на пять лет младше нее.

Если у Гавелов была материальная возможность дать детям хорошее образование, но с определенного момента возникли чисто политические препятствия, то у Шплихалов о высшем образовании для дочери никто и не помышлял. Уже в юности девушка отправилась работать в обувные мастерские Томаша Бати, где потеряла кончики четырех пальцев, потом работала швеей.

С другой стороны, не нужно представлять жителей рабочего предместья грубой чернью. Мать Ольги очень любила театр и старалась посещать его постоянно. Любовь к театру и кино унаследовала и Ольга. В 1955 году она вместе с другими юными поклонницами отправилась брать автограф у приехавшего в Прагу Жерара Филиппа. Уже в зрелом возрасте упоминала среди любимых режиссеров Феллини, Поланского. Любила «Седьмую печать» Бергмана и почти всю французскую «новую волну», кроме Годара. Мы уже знаем, что Ольга ходила на актерские занятия – одна из подруг вспоминала, как она читала монолог Катерины из «Грозы» Островского. Больше того, у девочек из актерской студии появился шанс вступить на серьезное творческое поприще: один из друзей их преподавательницы предложил им попробовать написать сценарий для телевизионного фильма по «Гордости и предубеждению» Джейн Остин. К сожалению, сценарий хода не получил и, вероятнее всего, оказался просто слабым.

Ольга с детства много читала; любила американскую литературу: Хемингуэя, Стейнбека, Фолкнера. Школьный учитель чешского просил своих учеников делать выписки из книг. Ольга нашла тетрадь с этими выписками в конце 80-х и обнаружила там цитаты как из массовых книжек того времени, так и из Бальзака с Достоевским. В интервью самых разных лет называла любимой книгой «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Лоренса Стерна.

Ольга на три года старше Гавела; они познакомились, когда ей было двадцать, а ему семнадцать лет. Для этого возраста разница довольно ощутимая, поэтому первые ухаживания Вашека девушка отвергла. Их роман начался три года спустя, незадолго до ухода Гавела из технического университета. Вместе с Ольгой, еще до армии, двадцатилетний Вацлав впервые съездил за границу, на польский курорт Сопот. Ольга дождалась его из армии, а со временем устроилась работать билетершей в театр «На перилах» – лишь бы проводить с ним больше времени.

«Восемь лет откладывал женитьбу»

«Отношения с Ольгой были для Гавела бунтом против его буржуазного происхождения, против привычек и семейных ритуалов, против любовной материнской строгости. В Ольге тоже было нечто материнское, но отличное от его матери. Он освобождался от своей семьи, от своего одиночества и инаковости. Ольга же понемногу пересаживала свои корни с Жижкова в интеллектуальную среду театров и кофеен <...> Ольга была в глазах матери Гавела неподходящей партией, и она бессильно наблюдала, как ее старший сын становится богемным художником.

⁸⁸ Síla věčnosti Olgy Havlové. Praha: Knihovna Václava Havla, 2013. С. 195.

Это было против семейных традиций и не отвечало ее ожиданиям», – пишет Эда Крисеова⁸⁹. Чувство инаковости у Гавела и правда было; он так вспоминал об этом:

В детстве, особенно когда мы жили в загородном доме и я ходил там в местную школу, я в отличие от своих одноклассников и друзей пользовался разными преимуществами и привилегиями <...> У меня была воспитательница, в доме была кухарка, горничная, садовник, шофер. Все это, конечно, создавало между мной и моим непосредственным окружением (или значительной частью его – той, которую представляли мои более бедные одноклассники и наша прислуга) социальный барьер, который я, маленький ребенок, как это ни странно, очень остро чувствовал и тяжело переносил, воспринимая это как свое несчастье.⁹⁰

Между тем у отца Гавела установились с Ольгой довольно теплые отношения. А вот Божена Гавлова своей классовой брезгливостью не преодолела и долго называла Ольгу просто *ta holka* (что можно перевести и как «эта девушка», и даже как «эта девка»), а приняла ее в качестве члена семьи уже практически на смертном одре, в 1970 году.

Когда Гавел и Ольга наконец (в 64-м) вступили в брак, родители жениха узнали об этом лишь из его письма, отправленного пять дней спустя из маленького отеля неподалеку от Карловых Вар, и адресатом этого письма был только отец Гавела. Вацлав сообщает, что бракосочетание воспринимает как вещь скорее формальную, а де-факто живет с Ольгой уже восемь лет:

Причина откладывать была только одна: мамино неприятие Ольги. Уважать взгляды и чувства родителей ребенок должен, даже когда с ними не согласен, – в духе этой солидной морали я был воспитан, этим духом жил и во имя него восемь лет откладывал женитьбу. Все, однако, имеет свои пределы, свои верхние границы, некую кульминационную точку, когда медленно и не приметно нарастающее количество вдруг перейдет (как учит Энгельс) в новое качество, когда явление само себя как бы поворачивает вспять и само себя отрицает. В моем случае этот поворотный момент реализовался так, что после очень долгого времени, когда я пытался утвердить мораль, в которой был воспитан, настал однажды день, когда с дальнейшим «утверждением» эта мораль стала бы очевидно аморальной. И теперь я женился только потому, что должен был бы как можно скорее плюнуть себе в лицо, если б этого не сделал <...> Ольга никогда не будет так образованна, как мама, имеет во многих вещах гораздо меньший опыт, не знает языков, она совсем не предприимчива и не амбициозна, у нее есть свои недостатки и т.д., и т.д., тем не менее мы хорошо понимаем друг друга, и нам с ней хорошо живется.⁹¹

Письмо интересно сразу с нескольких точек зрения. Здесь и курьезная ссылка на законы диалектики в попытке объясниться с собственным отцом. Здесь и готовность довольно пренебрежительно отозваться о любимой женщине, вроде бы защищая ее от нападков. Здесь и довольно четко сформулированная тема противостояния с матерью. «Расхожее наблюдение их общих друзей, что “Ольга была ему скорее матерью, чем женой”, было бы слишком просто интерпретировать в духе дешевой психологии популярных журналов, но Гавел решительно не пытался воспроизвести свои отношения с матерью», – утверждает Жантовский⁹². Сам Гавел много лет спустя, уже овдовев, скажет, что Ольга была ему «и матерью, и сестрой <...>

⁸⁹ Крисеова. С. 28.

⁹⁰ Заочный допрос. С. 11.

⁹¹ *Síla věčnosti Olgy Havlové*. Praha: Knihovna Václava Havla, 2013. С. 9.

⁹² Жантовский. С. 62.

и всем, чем только возможно», а самое главное, всегда давала ему чувство «уверенности и поддержки»⁹³.

Все в том же письме отцу есть как минимум еще одно интересное место. Гавел пишет, что если, встречаясь с Ольгой, в кого-то и влюблялся, то это проходило так же быстро, как возникало, а если он и получал телесное удовольствие с другими женщинами, то от этого его лишь сильнее притягивало к Ольге. Дескать, именно благодаря этому он понял, насколько постель неважна в сравнении с подлинным взаимопониманием между людьми. В этом признании видится своеобразный сплав наивности и цинизма. Возможно, это стало еще одной причиной того, что письмо адресовано только отцу – такая откровенность кажется более понятной в чисто мужском разговоре. Между тем подобные отношения между супругами остались навсегда.

«Лозунг “секс, наркотики и рок-н-ролл” еще не был сформулирован, а Гавел уже под ним жил – понятно, лишь в той мере, какая была возможна в пробуждающейся от сталинского наркоза Чехословакии», – с иронией пишет Даниэль Кайзер⁹⁴.

⁹³ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/159099>.

⁹⁴ Кайзер. С. 50.

Театральное признание

«Праздник в саду»

В 1963 году Гавел впервые пишет такую пьесу, которая имела настоящий сценический успех и принесла ему славу драматурга, – «Праздник в саду» («Zahradní slavnost»).

Начинал Гавел как абсурдист, и его стиль прекрасно подошел театру «На перилах», где в шестидесятых годах появились первые чешские инсценировки «Лысой певицы» Ионеско и «В ожидании Годо» Беккета. Однако правильнее было бы сказать, что гавеловские комедии шестидесятых совмещают в себе приемы абсурдного театра и политической сатиры, и «Праздник в саду» прекрасно иллюстрирует это сочетание.

Главный герой пьесы, юноша по имени Гуго Плудек, беспокоит своих родителей тем, что совершенно не хочет думать о карьере. Вместо этого он сидит дома и сам с собой играет в шахматы. Родители же хотят для него хорошего будущего, не замахиваясь, правда, на большие высоты. Жизненная философия Плудеков предстает перед нами в гордом монологе отца:

Если на виражах истории разные слои общества меняются своими ролями, то средние слои проходят через эти испытания безмятежно, ведь другие слои на их место не претендуют, так что средним слоям просто не с кем меняться, и они в итоге становятся единственной действительно постоянной силой в истории.⁹⁵

Родители делают ставку на старого друга отца, который выбился в начальство и должен теперь помочь Гуго. В самом начале пьесы Плудеки ждут этого человека в гости, но тот присылает сообщение о том, что должен присутствовать на празднике своего ведомства. Недолго думая родители отправляют Гуго на праздник, чтобы он там представился влиятельному другу. Приехав на место, Гуго окунается в сложную интригу, разворачивающуюся между двумя бюрократическими службами: распорядительской и ликвидационной. Службы эти то упраздняются, то возникают вновь, то объединяются, и в этом хаосе Гуго внезапно оказывается очень расторопным. Вот характерный диалог:

Директор. Уполномоченный распорядитель? Но распорядители не могут распоряжаться, раз они подлежат ликвидации.

Гуго. Естественно! Поэтому распоряжаться должен уполномоченный ликвидатор.

Директор. Уполномоченный ликвидатор? Но ликвидаторы существуют для того, чтобы ликвидировать, а не распоряжаться!

Гуго. Естественно! Поэтому надо открыть особые распорядительские курсы для ликвидаторов.

Директор. Думаешь?

Гуго. Или, скорее, ликвидаторские курсы для распорядителей.

Директор. Тебе виднее.

Гуго. Лучше всего организовать параллельные курсы: пусть распорядители перепрофилируют ликвидаторов, а ликвидаторы распорядителей.

⁹⁵ Гавел В. Трудно сосредоточиться: Пьесы. М.: Художественная литература, 1990. С. 21 (далее – Трудно сосредоточиться).

Директор. А распоряжаться всем этим стал бы перепрофилированный в распорядителя ликвидатор или перепрофилированный в ликвидатора распорядитель?

Гуго. Следует создать еще одни курсы, чтобы перепрофилированные в распорядителей ликвидаторы и перепрофилированные в ликвидаторов распорядители доперепрофилировали друг друга.⁹⁶

Снова перед нами характерные приемы Гавела. Во-первых, это любовь к языковой игре, к «забалтыванию» своих персонажей. Отец Гуго Плудека все время говорит прибаутками: «Кикимора за прялкой на чердак не лазит», «привыкши драться за комариные соты, не пойдешь плясать с козой в Подлипках», «или ты воображаешь, что сподручно бить влет пустельгу, держа выезд в Глухове». (Гавел придумал эти псевдонародные присказки сам, и они даже были в ходу у продвинутой молодежи, примерно как тексты Ильфа и Петрова в СССР.) Но постепенно Плудек-старший все больше заговаривается, отдельные части его реплик меняются местами, создавая все более бессмысленные сочетания. Уже в середине 80-х Гавел рассказывал:

О чем бы мне хотелось упомянуть, это интерес к языку. Меня интересует его амбивалентность, злоупотребление им, меня интересует язык как организатор жизни, судеб и миров, язык как самое важное искусство, язык как ритуал и заклинание; слово как носитель драматического развития, как удостоверение личности, как способ самоутверждения и самопродвижения <...> О пьесе «Праздник в саду» писали, что ее главным героем является фраза. Фраза организует жизнь, фраза отнимает у людей адекватность, фраза становится правителем, защитником, судьей и законом».⁹⁷

Гуго выходит победителем в бюрократическом соревновании, потому что выигрывает языковую игру, лучше всех подстраивается под правила использования схематичного языка бюрократии. Но и язык подминает его под себя. Он возвращается домой, всего за один вечер совершив блистательный карьерный взлет, но перестает быть собой, и родители его не узнают.

Механизация языка означает механизацию жизни. «Так пропадает, в ничто вменяясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны», – пишет Виктор Шкловский в своей классической работе «Искусство как прием»⁹⁸. В том же году, что и пьеса «Праздник в саду», из-под пера Гавела выходит теоретическая статья «Анатомия гэга», в которой он уделяет большое внимание теории остранения (вплоть до тех же примеров, что приводит Шкловский – например, сцены описания оперного театра в «Войне и мире» глазами Наташи Ростовской). По Гавелу, автоматизм обыденной жизни создает предпосылки для абсурдного театра, но именно сценический абсурд возвращает вещам их смысл:

Сложность нашего времени стремительно создает и предлагает нам очевидное и невиданное множество автоматизмов, которыми эпоха пронизывает человека и общество. Потому именно в это время – в силу прирожденной потребности человека защищаться и противостоять этому натиску – развилось в небывалой мере то, чего раньше общественное сознание просто не знало <...> абсурдное искусство, абсурдный юмор. Ощущение абсурдности, способность к остранению, абсурдный юмор – вот, вероятно, пути, которыми современный человек достигает катарсиса.⁹⁹

⁹⁶ Трудно сосредоточиться. С. 45.

⁹⁷ Заочный допрос. С. 194.

⁹⁸ Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914-1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 63.

⁹⁹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156819>.

Этические и эстетические категории, которыми оперирует Гавел, можно проиллюстрировать его рецензией на спектакль «Визит старой дамы», в 1960 году поставленный в театре «АВС»:

Мы можем теперь <...> задать вопрос об основном гиперболическом смысле этой драмы. И мы убеждаемся, что это, в сущности, образ пути человека ко вполне определенной и экстремальной общественно-этической позиции. На чем эта позиция основана? Она опирается на развитие способности человека во имя своей максимальной материальной защищенности отказаться от основных постулатов нравственности и исходит из развития его желания осознанно избавиться от всех духовных норм человечности и осознанно стать расчеловеченным и «деэтизированным» механизмом, существующим исключительно в рамках физики и биологии <...> Ясно, что корни этой позиции находятся в самой общественной структуре, которая в силу собственных закономерностей развивает в человеке эту способность.¹⁰⁰

Постановщиком «Праздника в саду» стал Отомар Крейча (1921-2009) – уже заслуженный режиссер, который в 1956-1961 годах руководил драматической группой Национального театра. В феврале 1948 года он подписал прокоммунистическое воззвание интеллигенции «Вперед, ни шагу назад» (другими подписантами стали Отакар Вавра, Владимир Голан, поэт Франтишек Галас, Ян Верих и Иржи Восковец). Как и у многих других деятелей искусства, биография Крейчи разделится на «до» и «после» Пражской весны: в 1970 году его исключили из компартии, двумя годами позже закрыли его «Divadlo za branou» (театр «За воротами»). К режиссуре он вернулся только после бархатной революции, но в новых условиях потерпел полный крах – воссозданный им театр просуществовал всего несколько лет. После крушения театра Крейча ставил мало и жил почти в изоляции. Журналист Йозеф Брож в некрологе 2009 года назовет его «императором чешского театра» и «последним человеком, для которого театр был смыслом жизни»¹⁰¹.

У Отомара Крейчи был свой постоянный сценограф Йозеф Свобода, который работал с ним в самых разных театрах – он же, кстати, один из соавторов шоу «Laterna Magica». Для «Праздника в саду» он разработал сложные и громоздкие зеркальные декорации; по общему мнению, играть в них было нельзя. Дело кончилось тем, что Гавел, Гроссман и Крейча, пробравшись ночью в театр, эти конструкции попросту разбили. Премьера была отложена, а Свобода придумал новые декорации, которые автору понравились больше. Гавел очень любил вспоминать эту историю, а для нас она показательна тем, что молодой драматург впервые показывает здесь свою нетерпимость к тому, что кажется ему чужеродным для текста. Эта нетерпимость останется с ним навсегда; актриса Мария Малкова, сыгравшая в четырех пьесах Гавела, вспоминала, что режиссерские выдумки ему никогда не нравились¹⁰².

Впрочем, это не единственная выходка драматурга, связанная с «Праздником». Гуляя по городу после премьеры в Братиславе, подвыпивший Гавел заметил транспарант с приглашением на настоящий праздник в саду. Компания этот транспарант сняла и стала с ним разгуливать – Гавел угодил в полицию.

¹⁰⁰ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156795>.

¹⁰¹ <http://literarky.cz/kultura/divadlo/1591-otomar-kreja-cisa-eskeho-divadla>

¹⁰² Milý Václave... Přemýšlení o Václavu Havlovi. Praha: Divadelní ústav / Lidové noviny, 1997. С. 79.

«Кандидат в агенты»

«Праздник в саду» имел большой успех и получил очень доброжелательную критику. Благоклонная рецензия вышла даже в официальной газете компартии «*Rudé právo*». Примечательно, что уже первая большая пьеса принесла Гавелу также и международное признание. Литературный агент Карл Юнкер из «*Rowohlt Verlag*» попросил авторские права на немецкое издание пьесы. В марте 1964 года «*Rowohlt*» договорился с чехословацким государственным агентством «*Dilia*»; первая после публикации инсценировка должна была состояться в берлинском театре «*Kammerspiele*».

На сентябрьскую премьеру в Западном Берлине Гроссмана и Гавела не отпустили, и это стало поводом для первой в жизни Вацлава протестной акции. И режиссер, и драматург пригрозили покинуть театр, коллектив заявил об их поддержке, и власти пошли на попятную, решив выпустить обоих за границу в ближайшее время. В 1964 году Гавел побывал в Вене и Западном Берлине, в 1965 году – в Австрии, Венгрии, ФРГ и Югославии.

В 1965 году Гавелу снова пришлось пообщаться с агентами госбезопасности, и на сей раз почти по собственной воле. В театр на имя Гавела передали анонимную антисоветскую листовку. Обсудив происшествие с Гроссманом, он решил, что это просто провокация, и отнес бумагу в крайком КПЧ; но вскоре на набережной Энгельса появились сотрудники StB. Впрочем, для Вацлава все это никаких последствий не имело: он ответил на заданные вопросы, и встреча закончилась вполне мирно.

Однако можно заподозрить, что вся история с листовкой как раз и была нужна, чтобы прошупать молодого драматурга. Проводивший беседу офицер запишет в своем отчете, что это «подходящий агентурный тип», и занесет Гавела в список «кандидатов в агенты». Позже эта категория была переименована в «кандидат для тайного сотрудничества», и она, пишет Даниэль Кайзер, «работала в системе StB как зал ожидания: полиция обычно давала себе три месяца, чтобы изучить фигуранта и понять что к чему. Если он хоть немного шел навстречу и был готов общаться, ему предлагали договор и секретное сотрудничество. Если же он сотрудничать не хотел или же тайная полиция обнаруживала у него антирежимные склонности, то его обычно переквалифицировали во враждебную персону. В таком случае человек часто вообще не узнавал, что StB его изначально рассматривала как агента. Это был и случай Гавела»¹⁰³.

В 1965 году театр «На перилах» выпускает свой второй спектакль по пьесе Вацлава Гавела – «Уведомление» («*Vyrozumění*»). В ней важная для Гавела тема языка развивается еще дальше: завязка сюжета строится на том, что директор неназванного учреждения Гросс вдруг обнаруживает, что для делопроизводства в его конторе заведен искусственный язык птидипе. (Полноправным автором замысла пьесы можно считать Ивана Гавела: его предстоящая научная карьера во многом будет посвящена кибернетике, теории информации, проблемам искусственного интеллекта. Зачатки сюжета о насаждении искусственного языка и даже само слово птидипе придумал именно Иван.) Новый язык построен по строгой научной модели и потому, сообщают Гроссу, гораздо лучше отвечает потребностям делового общения, чем язык естественный.

Сам Гросс птидипе, конечно, не знает. Но скоро выясняется, что языка этого не знает никто, кроме одного-единственного преподавателя, зато вся затея служит прекрасным поводом для интриги, которую закручивает заместитель Гросса Балаш. В определенный момент козни Балаша увенчиваются успехом, и он занимает место Гросса; со временем Гросс отвоевывает свою должность, а введение птидипе отменено директивой сверху... но другая директива предписывает завести другой искусственный язык, еще более научный и еще более совершен-

¹⁰³ Кайзер. С. 61.

ный. Гросс в самом конце последнего действия произносит монолог, который легко мог бы войти в любое эссе Гавела:

Как сказал Гамлет: век расшатался... Подумай только, мы уже летаем на Луну, но нам становится все труднее долететь к собственному «я»; мы расщепляем атом, но не можем воспрепятствовать распаду собственной личности, наводим мосты между континентами и все труднее находим пути человека к человеку! Иными словами: наша жизнь утратила какой-то высший критерий, и распад безудержно ускоряется. Мы все больше и больше отчуждаемся от мира, от людей, от самих себя. Мы как Сизиф – тащим камень жизни на гору ее иллюзорного смысла, чтобы он тут же скатился вниз, в долину собственной абсурдности.¹⁰⁴

Загвоздка лишь в том, что эти слова Гавел вкладывает в уста своего персонажа, чтобы предварить ими трусость и предательство – Гросс отказывается вернуть на работу единственного человека, который был ему верен во время опалы, – юную секретаршу Марию.

«Официальные средства массовой информации снова пели хвалу теперь уже международно признанному автору, хотя “Руде право” в этот раз ждало с похвальной рецензией целых два месяца. Большинство критиков прочли пьесу всего лишь как сатиру на бюрократическую систему, так же как и ее предшественницу. Это делало ее одной из многих подобных пьес, возможно, сатирой исключительного качества, но при этом все еще просто сатирой, которую в середине 60-х годов еще терпели и даже поддерживали как необходимую часть общественной гигиены», – пишет Жантовский¹⁰⁵. Интересно, что опасными многим как раз казались наброски пьесы. Они насторожили Ивана Выскочила, а один из актеров театра «АВС» даже сказал, что это пьеса «на 11 лет тюрьмы» (и изначальный замысел, и первые наброски «Уведомления» появились еще до «Праздника в саду», когда Гавел работал в «АВС»).

Так или иначе, пьеса вновь имеет огромный успех. В 1966 году ее радиовersion делает ВВС, примерно в это же время издательство «Галлимар» печатает «Праздник в саду» на французском языке. Гавел на вершине славы. Его пьесы идут в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Югославии, Швеции, Австрии и Великобритании.

Наконец, во второй половине шестидесятых Гавел работает над третьей и последней большой пьесой, которая будет легально поставлена на сцене в коммунистической Чехословакии, – «Трудно сосредоточиться» («Ztížená možnost soustředění»). Эта пьеса сохраняет отдельные черты абсурдного театра, но во многом от него уже ушла. Если в «Празднике в саду» и «Уведомлении» любовные сюжеты находятся на втором плане, то здесь любовный многоугольник оказывается прямо в центре сюжета. Ученый-гуманитарий Эдуард Гумл не может сделать выбор, которого от него требуют две любящие его женщины: жена Власта хочет, чтобы он окончательно порвал с любовницей Ренатой; Рената настаивает, чтобы Гумл ушел от Власты. Сам он без конца обещает каждой именно то, что она хочет слышать, но выполнить обещания не в силах. И вдобавок отчаянно заигрывает с машинисткой, которой диктует свой очередной трактат.

В это же время к Гумлу без приглашения приходит компания молодых ученых с вечно неисправным громоздким прибором под названием «Пузук» (это скрытый привет Ивану Гавелу, Пузук – его семейное прозвище). По замыслу гостей, «Пузук» должен составить психологический портрет Гумла, и хотя эта затея проваливается, да и ученые оказываются едва ли не самозванцами, главный герой закручивает роман с руководительницей исследовательской группы.

¹⁰⁴ Трудно сосредоточиться. С. 123.

¹⁰⁵ Жантовский. С. 100.

Пьеса не входит в число самых популярных у Гавела, и ее сценическая история не очень велика (по иронии судьбы это единственная пьеса, которую видел на сцене автор этой книги – в исполнении студенческой труппы в библиотеке Вацлава Гавела). Любопытна же она тем, что в ней отчетливо прослеживается автобиографический мотив: линия любвеобильного, но слабохарактерного мужчины, который не может разобраться в своих женщинах.

Насколько уместно отождествлять протагонистов гавеловских пьес и самого автора – этот вопрос останется в «гавеловедении» навсегда, он относится и ко многим позднейшим пьесам. Однако бытовой разлад, в который погружен Гумл, одновременно становится и метафорой более глубокого кризиса личности. Полтора десятилетиями позже Гавел напишет: «Все мои пьесы вращаются вокруг темы распада идентичности»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Письма Ольге. С. 75.

II. Зрелость

«Тварж». Начало Пражской весны

«Этот парень будет небезопасен»

Как уже говорилось, с конца 50-х годов в Праге, а потом и в других городах Чехословакии возникает целая россыпь небольших и относительно независимых театров. В шестидесятых в кино заявляет о себе чехословацкая «новая волна».

С 1958 по 1965 год в стране удваивается издание иностранной литературы. В первой половине 60-х происходит возвращение в официальное культурное пространство Франца Кафки. Писатель и филолог, недавний политзаключенный Эдуард Гольдштюкер устраивает научную конференцию по его творчеству. Милош Форман, Иван Пассер и Вацлав Гавел примерно в это время продают киностудии сценарий фильма по мотивам «Замка» (правда, в производство его так и не приняли).

В 1963 году проходит третий съезд Союза чехословацких писателей, который ясно обозначает курс на либерализацию литературной жизни. С большим опозданием состоялся официальный дебют Богумила Грабала, к читателю возвращается Йозеф Шкворецкий. Прямым следствием съезда стало создание под эгидой Союза писателей журнала «Tvář» («Лицо») – так назывался сборник поэта Франтишека Галаса. Первым редактором этого журнала, ориентированного на новую литературу, стал поэт Иржи Груша, зять Эдуарда Гольдштюкера, в будущем – не только литератор, но и политик. Он станет послом Чехословакии и Чехии в Германии, а позже министром образования.

Однако в очень скором времени Груша пал жертвой литературной полемики. Молодой литератор Владимир Медек (через несколько десятилетий он и его брат Павел переведут на чешский язык цикл книг о Гарри Поттере) написал статью, где указал на то, что из официальной чешской поэзии выброшено имя Сталина, а стихи, где он упомянут, или печатаются в сокращении, или не печатаются вовсе, хотя и принадлежат перу выдающихся авторов, от Витезслава Незвала до Павла Когоута. По своему духу статья отнюдь не была сталинистской, Медек лишь призывал коллег к последовательности и интеллектуальной честности. В своем ответе Груша упрекнул Медека в недобросовестно подобранных примерах, а под конец прямо заявил: он боится не того, что из сборников чешской поэзии исчезнет имя Сталина, а того, что через несколько лет его придется снова туда вписывать.

С одной стороны, позиция Груши вроде бы укладывалась во вполне официальный курс на десталинизацию. Одна из главных улиц Праги в 1962 году была переименована из Сталиновой в Виноградскую; властями был взорван крупнейший в мире памятник Сталину. С другой стороны, официальная цензура сочла статью слишком смелой, и через несколько месяцев Груша был вынужден оставить кресло редактора.

Новым шеф-редактором становится Ян Недвед, а одним из самых влиятельных членов редакции – уже опытный журналист Эммануэль Мандлер. «Мандлер был старше нас <...> а главное, имел представление о том, как использовать то маленькое пространство свободы, что почти само собой открылось благодаря начинающемуся распаду режима», – вспоминает

многолетний друг и соратник Мандлера Богумил Долежал¹⁰⁷. Одна из идей Мандлера – максимально расширить круг редакции и привлечь новых ярких людей. Среди таких людей был и Гавел. Его приход снял определенную двусмысленность ситуации: до него никто из членов редакции не был членом Союза писателей – довольно странно для журнала, выходящего от имени Союза. Позже Гавел привлек к работе своих старых товарищей Йозефа Тополя и Веру Лингартову, которые состояли в Союзе уже давно.

Вскоре «тваржисты» нажили себе двух врагов: Союз писателей и ЦК КПЧ (впрочем, уточняет Долежал, Союз и сам всегда находился под полным контролем ЦК). Союз писателей журнал поддразнил тем, что выпустил критическую статью о стихах председателя Иржи Штолы. Кроме того, оппонентами редакции были молодые члены Союза, считавшие создание «Тваржа» общим достижением, а редакторов – узурпаторами, которые пытаются проводить свою собственную политику. Идеологов же ЦК смущало, что в журнал регулярно попадают «нежелательные авторы». Так, с явной прохладой была принята публикация переводов Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета.

В 1965 году президиум Союза потребовал увольнения шеф-редактора Яна Недведа и обновления редакционного совета (в нем не должно было быть Мандлера, психолога Иржи Немеца и философа Ладислава Гейданека). Решение приняли почти единогласно, за него среди прочих голосовал даже Милан Кундера. Выступил на пленуме президиума и Вацлав Гавел:

У журнала нет сложной концепции. Он хочет лишь называть определенные вещи своими именами, говорить то, что его авторы действительно думают, и пытаться говорить так, чтобы это не было впутано в ритуал всех этих «но», «в некоторой степени», «хотя с другой стороны» и т.п.; хочет печатать вещи, которые считает внутренне аутентичными, не вторичными, последовательными в том, чем они хотят быть; хочет обойтись без компромиссов, лазеек и уступок – любой стороне. <...>

Я не хотел верить, что литературная атмосфера так тяжело привыкает к чему-то столь естественному, как попытка говорить без устоявшихся фразеологических уверток.¹⁰⁸

По легенде, именно на этом пленуме сотрудник аппарата ЦК Павел Ауэрсперг скажет: «Этот парень будет для нас небезопасен»¹⁰⁹.

Редакция журнала постановила требований не принимать и создала протестную петицию. Вклад Гавела в поддержку акции оказался очень весомым. Именно благодаря ему бумагу подписали Милош Форман, Вера Хитилова, Ярослав Сейферт и Ян Верих. Всего у петиции набралось около 300 подписантов, хотя многие писатели, например Йозеф Шкворецкий и Ладислав Фукс, от поддержки отказались, а Владимир Голан даже не открыл коллегам дверь.

Союз писателей предложил бунтарям компромиссный вариант: для молодых авторов будет создан новый журнал (в 1966 году он действительно начал выходить), но «Тварж» сохранится как «групповой» (тем более что Союз и без того планировал создание журналов отдельных литературных групп). При этом требование ухода Недведа, Мандлера, Немеца и Гейданека оставалось в силе, и компромисса не вышло.

Мандлер и Гавел попробовали запустить еще одну подписную кампанию – на этот раз за созыв внеочередного съезда Союза писателей, который бы и занялся проблемой журнала. Однако для этого требовалось собрать подписи трети членов Союза, и на чистом энтузиазме подобная идея осуществиться не могла. В декабре вышел последний номер первой версии «Тваржа». Незадолго до этого все тот же Ауэрсперг пригласил Гавела вместе с директором

¹⁰⁷ <http://www.bohumildolezal.cz/texty/zprava-o-havlovi-a-tvari.html>.

¹⁰⁸ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156836>.

¹⁰⁹ Кайзер. С. 57.

театра Водичкой к себе и ласково посоветовал не соваться в политику, а лучше писать пьесы, к которым, дескать, партия относится вполне уважительно¹¹⁰.

Биографы Гавела часто делают акцент на том, что в редакционной работе он участвовал мало, а основную активность развил именно тогда, когда «Тварж» столкнулся с цензурными проблемами; кроме того, принято считать, что его работу в журнале отягощал личный конфликт с Мандлером. Но Богумил Долежал настаивает, что ни во время существования журнала, ни в первые два года после его разгрома личных конфликтов в редакции не было. Напротив, бывшие тваржисты выпустили два сборника (главным редактором второго стал Вацлав Гавел, но он активно участвовал и в работе над первым), устраивали, где это было возможно, общественные дискуссии и продолжали регулярно собираться, причем местом сбора нередко служила квартира Гавела.

Определенный раскол произошел в самом конце 1967 года (в это время шла серьезная борьба за воссоздание журнала). Гавел и группа его товарищей выступали за то, чтобы новый «Тварж» был серьезно реформирован. Шеф-редактором стал бы сам Гавел, а редакция при этом отказалась бы от четкой политической линии, став чем-то вроде «вольного содружества». Вольность предполагалась даже в оформлении: кто-то предложил смелую идею вообще не скреплять журнальные листы. После споров и переговоров стороны пришли к соглашению: журнал сохранит обычный вид, шеф-редактором вновь станет Ян Недвед, а Гавел будет председателем редсовета. В 1968 году «Тварж» получил возможность выходить снова, у него появились новые авторы, например молодой экономист Вацлав Клаус, но просуществовал он чуть больше года.

«Это ваше дело»

Как уже говорилось, политические события Пражской весны были во многом predeterminedены подчас хаотичной и непоследовательной либерализацией, разыгравшейся при преемниках Готвальда: сперва при Антонине Запотоцком, а потом при Антонине Новотном. «Этот примитивный, по существу, авторитарный человек не считал сам себя последней инстанцией в определении правильности каких-либо идей и поступков, а признавал существование высших ценностей, основанных на определенных идейных принципах, не абсолютизируя власть саму по себе», – аттестовал Новотного один из идеологов реформ Зденек Млынарж¹¹¹. А историк Зденек Доскочил называет время правления Новотного «самой либеральной эрой за всю сорокалетнюю историю коммунистического режима», если не считать, конечно, самой Пражской весны¹¹².

Чехословацкая экономика в 60-х стояла на грани большого кризиса. Промышленный рост в 1963 году составил меньше одного процента, это был худший показатель во всей Восточной Европе. Третью пятилетку несколько раз пересматривали, а в 1962 году отменили вовсе. При этом у партийного руководства уже сложилось понимание того, что стране необходимы хотя бы ограниченные реформы. В 1962 году директора Экономического института чехословацкой Академии наук Оту Шика вводят в ЦК КПЧ, в 1964-м Шик возглавляет государственно-партийную комиссию хозяйственных реформ.

«Я много раз советовал президенту Новотному (он честный коммунист и преданный пролетарий): “Поднимите занавес, разоблачите злоупотребления, если они у вас были”. А они были, я знаю, что они были <...> Новотный сердился и говорил: “Товарищ Хрущев, у нас ничего подобного не было”. Я ему отвечал: “Если это не сделаете вы, это сделают другие, и

¹¹⁰ Кайзер. С. 60.

¹¹¹ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992. С. 73 (далее – Млынарж).

¹¹² <https://ct24.ceskatelevize.cz/archiv/1462045-cesko-slovenske-vztahy-v-hledacku-historickeho-magazinu>.

вы окажетесь в очень незавидном положении”. Новотный не послушался меня, и все знают, к чему это привело и его самого, и всю Чехословакию», – вспоминал в своих мемуарах Никита Хрущев¹¹³.

Однако Новотный в самом деле выступал за обновление партии, и оно состоялось – к 1967 году в президиуме ЦК практически не осталось высших партийных руководителей 50-х годов. XXII съезд КПСС и XII съезд КПЧ открыли ворота для осторожной критики Готвальда (его останки, подобно останкам Сталина в Москве, вынесли из мавзолея) и для пересмотра политических дел сталинистской эпохи, хотя Новотный предпочел цинично свалить основную вину на Рудольфа Сланского, который и сам сгинул в репрессиях.

Однако на XIII съезде партии Новотный уже выказывает недовольство ходом реформ и выступает против «некоторых негативных тенденций в жизни страны». Осторожная либерализация постоянно перемежается если не политическими репрессиями, то уж точно попытками политического давления на потенциальные источники угрозы из среды интеллектуалов. В 1963 году партия жестко критикует словацкий журнал «Культурная жизнь», в 1964-м принудительно меняет состав редакции журнала «История и современность», где работал уже знакомый нам Эммануэль Мандлер. В середине 60-х из университетов изгоняются несколько ведущих студенческих активистов, в 1965 году разгромлен «Тварж», в 1966-м обвинен в шпионаже и отправлен в тюрьму писатель Ян Бенеш.

Однако в отсутствие массовых репрессий эти точечные удары только накаляют политически активную интеллигенцию. Летом 1967 года на писательском съезде очевидно фрондерские доклады зачитывают Павел Когоут, Людвик Вацулик и Милан Кундера (двух последних изгоняют из партии). Гавел призвал к восстановлению «Тваржа» и упрощению порядка создания новых журналов, принятию в Союз писателей целой группы «запрещенных людей», таких как философы Ян Паточка и Вацлав Черный, переводчик Зденек Урбанек. Кроме того, Гавел зачитал письмо группы режиссеров министру культуры.

Дело в том, что в мае 1967 года депутат Национального собрания Ярослав Пружинец обрушился с яростной критикой на два фильма чехословацкой «новой волны», с тех пор ставшие классикой: на «Маргаритки» Веры Хитиловой и «О торжестве и о гостях» Яна Немеца. Депутат заявил с парламентской трибуны: эти ленты «не имеют ничего общего с нашей республикой, социализмом и идеалами коммунизма», а государство «платит королевские деньги внутренним врагам»¹¹⁴. «Выступление депутата Пружинца создает опасность легализации погромных настроений против творческой интеллигенции. Последствия таких тенденций всегда были позором любого народа. Ненормальная ситуация, созданная в последние месяцы вокруг чехословацкого кинематографа, начинает постепенно отнимать возможность творческой работы, ограничивает реализацию творческих замыслов в самом их начале, а некоторых авторов вытесняет из творчества совсем. Нам известно, что любая репрессивная мера против культуры преследует мгновенный политический успех, но нам точно так же известно, что ни одна позднейшая реабилитация или исправление несправедливости никому не вернули и никогда не смогут вернуть творческих способностей, развитие которых было насильно прервано», – говорилось в письме, которое подписали Форман, Хитилова, Юрачек, Немец, Менцель, Пассер и некоторые другие кинематографисты¹¹⁵.

«XIII съезд КПЧ был попыткой руководства и особенно Новотного ограничить рост демократических тенденций в партии и во всем обществе. Это, однако, вступало в серьезное противоречие с чувствами большинства жителей страны и натолкнулось на отпор

¹¹³ Хрущёв Н. Время. Люди. Власть. (Воспоминания: В 4 кн.). Книга первая. М.: Информационно-издательская компания «Московские новости», 1999. С. 102.

¹¹⁴ <http://www.psp.cz/eknih/1964ns/stenprot/015schuz/s015015.htm>.

¹¹⁵ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156840>.

заметной части партийного актива и функционеров», – пишет историк Иржи Пернес¹¹⁶. В 1966-1967 годах против Новотного выступала уже довольно широкая внутривластная коалиция, основную силу которой составляли относительно молодые либералы во главе с Александром Дубчеком, но к ним парадоксальным образом примыкали и некоторые старые коммунисты с репутацией сталинистов – например, Василь Биляк. Кроме того, для словаков Дубчека и Биляка Новотный был «централизатором», а конституция 1960 года практически сводила на нет словацкое самоуправление.

Новотного подвело еще и то, что он был «человеком Хрущева» и даже открыто критиковал заговор против Никиты Сергеевича, а потом поддерживал Косыгина в его негласном противостоянии Брежневу (в свое время его предшественника Антонина Запотоцкого похожим образом подвела слишком большая ставка на Маленкова). В конце 1967 года Брежнев побывал в Чехословакии с официальным визитом. Его приезд явно пытались использовать для того, чтобы привлечь Леонида Ильича на свою сторону или хотя бы понять, на чьей стороне он окажется. «Каждый тянет меня в свою сторону, завлекает в союзники. Зачем мне это? Говорю: “Готовьте самолет, завтра улетаем”. Не хватало в их внутреннюю склоку лезть. Пусть сами разбираются», – говорил советский генсек¹¹⁷. В конечном счете Брежнев заявил чехословацким товарищам «это ваше дело» и уехал, чем предопределил падение Новотного. В январе 1968 года партию возглавил молодой Александр Дубчек, а в марте Новотный сложил с себя и президентские полномочия. Первоначально новый первый секретарь Москве даже должен был понравиться: он много лет прожил в СССР, окончил Высшую партийную школу. Есть свидетельства, что Брежнев называл Дубчека просто Сашей.

¹¹⁶ Чехословацкие президенты. С. 208.

¹¹⁷ Млечин. Л. Брежнев. СПб.: Амфора, 2009. С. 290.

Гавел в 1968 году. США и Франция

Возможность оппозиции

«Смелые решения, которые принял январский пленум ЦК, привлекли к Центральному Комитету, и в особенности к новому руководству, значительные симпатии. Большинство честных людей, преданных социализму, высоко оценили моральную силу нашей партии и ее смелый подход к устранению ошибок прошлого периода», – рассказывал в интервью партийному еженедельнику «Трибуна» функционер КПЧ Алоис Индра¹¹⁸. В апреле ЦК принял обширный документ под названием «Программа действий коммунистической партии Чехословакии».

«Этот документ отталкивался от того, что коммунистическая партия из-за совершенных ошибок теряет доверие общества, которое она должна вернуть <...> Отныне КПЧ должна была функционировать как классическая политическая партия с возможностью ведения внутренних дискуссий, критики, определения собственного курса», – рассказывает историк Ольдржих Тума¹¹⁹.

Руководящая роль КПЧ в политической жизни страны, однако, сохранялась. «Не надо забывать, что в основном это были нормальные партийные бюрократы с соответствующим партийным псевдообразованием, с соответствующими иллюзиями, привычками и предрассудками, с соответствующей биографией и с соответственно ограниченным горизонтом, правда, с некоторой долей свободомыслия и несколько приличнее тех, кого они сменили. Так, они постоянно оказывались в состоянии легкой шизофрении: они симпатизировали этому подъему и одновременно боялись его, опирались на него и одновременно хотели его затормозить», – скажет двадцать лет спустя Гавел¹²⁰.

Шаги «сверху» чередовались с инициативами «снизу». 27 июня, на следующий день после официальной отмены цензуры, писатель Людвик Вацулик публикует свой громкий манифест «Две тысячи слов». Автор не стесняется в выражениях и упрекает компартию в том, что она из «идейного союза превратилась во властную организацию, притягивающую властолюбивых эгоистов, трусов и людей с нечистой совестью». Вацулик признает, что процесс демократизации запустили сами коммунисты, но подчеркивает, что это «лишь погашение долга всей партии перед некоммунистами, которых она удерживала в неравном положении»¹²¹. При этом в манифесте утверждается, что продолжение реформ возможно только в союзе с коммунистами, а раз так – нужно поддерживать их либеральное крыло и настаивать, чтобы на ближайшем партийном съезде был избран новый состав ЦК, больше отвечающий запросам общества. Появившись в печати, манифест фактически превратился в петицию. К ней присоединились больше ста тысяч граждан Чехословакии и десятки знаменитостей, например олимпийские чемпионы Эмиль Затопек и Вера Чаславская, путешественник Иржи Ганзелка.

«Документ этот – достаточно откровенная, хотя и слегка замаскированная банальными словесными реверансами по адресу социализма, платформа тех сил в Чехословакии и за ее пределами, которые под прикрытием разговоров о “либерализации”, “демократизации” и т.п. пытались перечеркнуть всю историю Чехословакии после 1948 года, все социалистические завоевания чехословацких трудящихся, подорвать дружбу чехословацкого народа с наро-

¹¹⁸ Правда побеждает: Материалы чехословацкой печати, разоблачающие подрывную деятельность антисоциалистических и правооппортунистических сил в ЧССР в 1968 г. – начале 1969 г. М.: Политиздат, 1971. С. 191 (далее – Правда побеждает).

¹¹⁹ <https://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/dva-dokumenta-kotorye-predshestvovali-avgustovskomu-vtorzheniyu-1968-goda>.

¹²⁰ Заочный допрос. С. 100.

¹²¹ <http://www.ludvikvaculik.cz/index.php?pid=56&sid=37>.

дами братских социалистических государств», – припечатала текст Вацулика советская пропаганда¹²².

Так КПЧ постепенно начала терять свою ведущую роль. В отличие от СССР в большинстве стран соцлагеря была не одна политическая партия. Складывался странный порядок, при котором главная партия выполняла примерно ту же функцию, что и КПСС в Советском Союзе, но существовали небольшие политические партии, игравшие декоративную роль и формально спаянные с коммунистами в условное объединение вроде «Народного фронта». Уже зимой 1968 года начинаются попытки перехода к настоящей многопартийности. 14 марта состоялась встреча активистов, на которой было принято решение создать обновленную социал-демократическую партию. В марте же выходит статья Вацлава Гавела «На тему оппозиции»:

Если некоторые представления о возможном облике политической оппозиции в сегодняшней Чехословакии, которые пока что звучат в различных официальных речах, выглядят попыткой сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, удивляться здесь нечему: если в коммунистической партии более прогрессивные и демократично мыслящие люди и могут в течение нескольких недель победить более консервативных, это еще вовсе не означает, что за столь же короткое время <...> они стали способны серьезно встретить идею, еще недавно для них столь шокирующую, как идея оппозиции. <...>

О демократии можно серьезно говорить только там, где у народа есть возможность время от времени свободно выбирать того, кто должен им управлять. Это предполагает существование как минимум двух соразмерных альтернатив.¹²³

Гавел пишет, что для демократического общества не будет достаточно ни «внутрипартийной» оппозиции (партия, сохранив монополию на власть, всегда сможет такую оппозицию уничтожить), ни возможности участия в выборах для независимых одиночек (они не смогут конкурировать с мощной партийной машиной). Возможный выход он видит в «возрождении» формально существующих партий «Народного фронта»; тотальной реабилитации всех людей, пострадавших в политических чистках конца 40 – начала 50-х; возвращении в общественную жизнь Чехословакии ее политических эмигрантов («бессмысленно и антиисторично по-прежнему смотреть на наш народ через призму февральского конфликта – что относится, разумеется, к обоим столкнувшимся тогда лагерям») (там же).

¹²² К событиям в Чехословакии: Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968. С. 21.

¹²³ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/156845>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.